

МУБАРИЗ ОРЕН

БЕЛЫЕ ОБЛАКА

Повесть

I

В свой последний приезд в эти края в середине мая он потерял покой. Облако над озером ни на секунду не оставляло его, зависнув над ним, словно бы окутав, втягивало его в себя. Снилось по ночам и будоражило чувства. Меняло обличья, формы, обглаживая его душу и плоть. Ступало на него как исполинская гора, преследовало до седьмого пота. Каждый раз, вырвавшись из цепкой хватки смерти, он просыпался в холодном поту, еле-еле спасшись от бездонного омута озера.

Будто над ним довлело проклятье. За что бы он ни брался – всё впустую, куда бы ни шел – возвращался, несолоно хлебавши. Непруха за непрухой...

А теперь еще и это...

Каждый раз, отправляясь в Тюмень, он звонил Татару (так его все называли) – домой либо на фабрику. На этот раз связаться не удалось; протяжные гудки ожидания звучали в трубке, но её так и не сняли. Утром, выезжая в аэропорт, он на всякий случай перезвонил еще раз. Опять впустую. Уже на пороге он, не зная, как быть, набрал Савченко. И хорошо, что так сделал; тот оказался достаточно уважаемым человеком в городе. Он встретил его в черной иномарке без номеров прямо у трапа самолета – под изумленными взглядами пассажиров, прилетевших вместе с ним из маленького северного городка (среди них был и новоизбранный мэр города). Организовал всё не хуже Татара, даже лучше. Как только Савченко уяснил суть дела, даже думать не стал, сразу повел к дому известного криминального авторитета.

– С севера приехал. Братана кинули конкретно, – представляя его «вору в законе», Савченко добавил странную фразу: – Были очень близкими друзьями с Татаром.

Ему даже и присниться не могло, что он когда-нибудь повстречается с Гансом, к тому же так легко и просто. Верно говорят: слава героя бежит впереди него. Ганс оказался худощавым, хилым мужчиной. Он больше напоминал редактора газеты, нежели титулованного «вора». На глазах очки с толстым стеклом и широкой оправой, сидит в окружении книг...

Он рассказал всё, как было. Как гость из Элисты пришел к нему в квартиру, как подсыпал снотворного ему в еду, как начисто выгреб из сейфа все его личные деньги и деньги фирмы... Ганс выслушал его, ни разу не перебив. Даже когда он озвучил сумму украденного – речь шла об очень крупной сумме, – тот слегка поерзал и дал знак продолжать. «Я проснулся среди ночи и понял, что уснул на диване, не снимая одежды. Голова трещала от боли, – он сам удивился, как свободно ведет себя в присутствии «вора». – Кое-как разлепил веки и побежал в комнату, где хранились деньги. Дверь сейфа была распахнута!..»

«Взамен огромной суммы денег была одна огромная пустота!» – этого он, естественно, не сказал, одним глазом то и дело поглядывая на Савченко, понял, что лишней болтовне тут не место.

– Надо спросить и другую сторону, – только и вымолвил Ганс.

Он-то думал, что как только предъявит, удалца из Элисты приведут связанным к ногам «вора в законе» и поставят перед ним мешок с родными деньгами. Больше всего он переживал за то, какую часть от этой суммы и каким образом он должен дать Гансу. Во всяком случае, Ганс – далеко не разбойник с большой дороги, требующий свою «долю». Он «вор», настоящий «Вор в законе»! Он знал, просто так давать «вору» деньги нельзя. Обязательно надо сказать: даю эти деньги в «общак» или отдать деньги в его распоряжение – направит туда, куда сам сочтет нужным.

– Как только что-нибудь разузнаем, сам тебе позвоню, – сказал Ганс, глядя на Савченко. И они встали. Перечить «вору» никак нельзя.

После сорокаградусного северного мороза температура восемнадцать ниже нуля тут в городе отдавала весенней свежестью. Он чувствовал себя легко, как птица. С другой стороны, Бог знает, сколько времени пройдет, пока из Элисты придет весточка и вопрос решится, и всё это время он будет жить надеждой. Но и надеяться попусту никуда не годится. К черту такую надежду! Нет ничего хуже ожидания. Получить бы хоть какой-никакой ответ, знал бы тогда, что делать, куда себя деть. А теперь вот сиди и жди с камнем на сердце.

Они зашли в небольшое кафе, устроились поудобнее, и тут на него, как ушат холодной воды, вылилась весть о смерти Татара:

– Случилась беда! – сказал Савченко залпом. – Убили Татара!

Руки и ноги стали ватными. Последующие слова доносились до него словно сквозь стену.

Они раздавили на каждого почти по литровой «банке». Наливали и пили, наливали и пили... Но напряжение, владевшее каждой крохотной клеткой тела, так и не ослабло. Весть о смерти Татара так его оглушила, что не действовала даже водка, с каждой стопкой он всё больше трезвел. В последний раз он видел Татара прошлым маем в «Аполлон отеле». В ту ночь они чуть не прирезали друг друга из-за одного-единственного слова, – хорошо хоть Татар оказался смекалистей, собрал своих людей и молча покинул «отель». И с того дня они больше не встречались. Именно это сейчас огорчало его больше всего: он не смог проводить друга в последний путь. Они разорвали дружеские узы. И теперь уже ничего не поправишь! Это гнетущее чувство обжигало всё нутро. Подробности той злополучной ночи, которые до мельчайших деталей, всё более распаясь, обрушил на него Савченко, болью отзывались в душе, разжигая в нем гнев – за Татаром гнались, когда он выехал из «Аполлон отеля», загнали во двор старого храма и там пристрелили. Бедняга Савченко. Его полные ужаса глаза молили о пощаде: «Не спрашивай, брат, не спрашивай, неможугу обо всём этом рассказывать». Но и скрывать это горе не выходило. Савченко согнулся в три погибели. Лицо от напряжения приняло медный оттенок. Холодные, прозрачные, как стекло, глаза за считанные секунды налились кровью. В уголках губ скопилась белая пена. Чем больше он пытался подавить разошедшийся голос, тем отрывистее вырывались у него слова: «Та сука его заказала. Зоя! Сам знаешь, мы никогда не оставляли Татара одного. В ту ночь, как обычно, были вместе. Под утро, когда светало, все разбрелись, кто куда. Ну а мне что оставалось? Татар был с дочерью этой сучки, вот я их там оставил и ушел. Сам прикинь... кто-то заложил... точно заложил. Они стояли

на стрёме. Спустили все четыре шины автомобиля... А Татару всё невдомек, сел и поехал, и тут они сели на хвост. Гнали по полной! Сам прикинь, шины спущены, гнал на голых дисках, а сам пьяный в дупель. Когда я добрался до поселка, услышал выстрелы, ровно три выстрела. Сразу сердце екнуло, понял, дело плохо. Вернулся и стал взбираться по тому подъему, и тут будто мне на ухо шепнули: езжай в сторону храма, по старой кладбищенской дороге! Его машина врезалась в дерево прямо у входа в храм. Он сумел выбраться из машины, сделать несколько шагов. Там есть древняя каменная могила, ты ее видел, вот туда он и смог добежать. У могилы его настигли эти падлы. Все три пули выпустили прямо в лоб. Сучка на этом не успокоилась, – у Савченко при этих словах на покрасневших глазах выступили слезы, – ему отрезали мужское достоинство и запихнули в рот!»

Вдруг Савченко заорал во весь голос! Нет, кажется, сначала завыл, да, настоящему завыл, – все посетители кафе обернулись и очумело уставились на воющего человека, – затем стукнул кулаками по столу и принялся орать, как сумасшедший: «Всех их переловили, одного за другим, нах..!.. Слышишь?! Одного за другим! Такой ад им устроили – мало не покажется! – Савченко схватил пустую бутылку от водки и стал ею потрясать. – Пять вот таких затолкнули им в зад!..».

На свежем воздухе Савченко немного пришел в себя. Он тихо бормотал себе под нос: «Сам ведь виноват... В последнее время совсем сбрендил. С малолетней дочкой Зои... ты видал ее, ей и пятнадцати не было, какая мать стерпела бы...».

Савченко совсем расстроился, когда он сказал, что переночует не в городе. Он упрашивал, умолял, но всё без толку.

– Надо идти, – сказал он, – утром надо быть в Содоморе, на бройлерной фабрике. Время контракта вышло, машина ждет погрузки, – соврал он на ходу, не зная, как отделаться от Савченко.

– Знаю, куда идешь. Этот проклятый «Аполлон» всех нас доконает. Останься хотя бы на ночь, переночуй, утром сам тебя повезу.

– Нет, – сказал он. – Мне надо идти.

В двадцати пяти километрах от города, в прилегающем к поселку Содомор лесу расположено Святое озеро. Если идти от поселка, то прямо у озера, совсем рядышком можно увидеть полуразвалившиеся каменные колонны, – руины величественных особняков святых людей, некогда пожаловавших в эти края из Бухары, Казани, с Кавказа. Сейчас на этом холме раскинулся «Аполлон отель» Старика...

Раньше он частенько заезжал в Содомор, если и не каждый месяц, то раз в два или три месяца его путь проходил через этот поселок. Но ему даже в голову бы не пришло, что его армейский сослуживец Татар родом из этого селения. Однажды они встретились совершенно случайно, – провалиться бы ему на том месте! – столкнулись лицом к лицу у выхода бройлерной фабрики.

– Как тебя сюда занесло, сволочь?!

В армии они вначале не ладили. Часто спорили и кидались друг на друга с кулаками. Без потуги – нету друга, верно говорят, а потом они стали не разлей вода...

Они поздоровались и крепко обнялись, как родные братья, годами не видавшие друг друга.

– Думал, сможешь от меня убежать?! Вот! Не-а, это дело так оставлять нельзя. Обязательно нужно обмыть!

Именно тогда он впервые увидел Савченко, это был низкорослый, крепкого сложения мужчина. Татар звал его «Философом»:

– Философ, гони к Старика, скажи, чтоб натопил баньку, у меня гость.

Татар говорил без умолку, не давая ему вставить хотя бы словцо. Сощурился глаза, рассматривал его лицо, а затем снова и снова прижимал к груди:

– Ну, сволочь, колись, какого хера тут ищешь? Курица нужна? Сколько надо? Давай, топай за мной, – и, взяв его за одно плечо, Татар потащил гостя в кабинет директора фабрики – Зои Галимовны.

Кто бы мог подумать, что такая властная, чинная женщина, как Зоя Галимовна, окажется женой Татары. Когда раздавался стук ее каблучков у входа фабрики площадью в пятнадцать гектаров, рабочие на своих местах тряслись от страха, да клиенты тоже – всем хотелось попрятаться в щель. Без ее ведома ни одна собака не смела пройти даже мимо фабрики. Правда, назвать ее женой во всех смыслах было трудно – Зоя Галимовна была намного старше Татары, но они жили вместе как муж и жена.

– Зоя, знаешь, кто этот парень? Помнишь, я рассказывал тебе об армейском товарище... Вот эта сволочь.

В ту пору курятина в стране была в дефиците, такие бройлерные фабрики были на пересечёт. Да и не только курятина, рушился весь Советский Союз, и большинство продуктовых, гастрономов пустовало. Голодный люд сводил концы с концами «ножками Буша». Повези на север набитый курятиной «КамАЗ», открой борт перед гастрономом, и весь товар «растает» за час. О цене никто и не заикался, расхватывали всё на лету. Но в том-то и дело, откуда взять курятину? Имея на руках наличные, готовый договор, он бывало днями, а то и неделями просиживал штаны в Содоморе, каждое утро приходил с жалким видом к воротам фабрики, надеясь купить хотя бы пять тонн мяса, но всё без толку. В отделе продаж на цепь посадили настоящего пса – Талгата Алибашировича, – вот он и цапал встречного-поперечного. «Нету! Убоя нету! Курицы нету! Отвяжитесь! Куда там пять тонн, даже пяти крылышек нету! Да послушайте же, я тут ничем не заправляю, идите к хозяйке, у нее всё спрашивайте!..»

Татар распахнул дверь отдела продаж пинком ноги.

– Давай заходи, – Татар затолкнул его в кабинет и напрямик обратился к «цепному псу», оцепеневшему от изумления: – Короче, Толян, набей до отвала мясом грузовик этого парня, понял?! Я отвечаю.

Только потом он узнал, что Татар – главарь местной бандитской группировки. В ту пору в России всем заправляли «воры», крупнейшие заводы и фабрики крышевала братва.

После того, как набитый грузом «КамАЗ» покинул территорию фабрики и направился в путь, тяжело вращая колесами (шестнадцатитонный тягач оказался так перегружен, что у него изогнулись рессоры), и сами они до отвала нагрузились водой, едой и малолетними сельскими девками (одного кивка Татары оказалось достаточно, чтобы целое «полчище» девчат, постукивая каблучками по заледеневшему асфальту, забились по автомобилям), вся процессия напрямик поднялась к холму, где белели те самые каменные колонны – в отдаленную от лишних глаз и ушей тихую «резиденцию» Старика.

Назвать дом Старика хибарой не поворачивался язык, он стоял на вершине, в пяти шагах от каменных колонн, с одной стороны окна открывались на Святое озеро, с другой – на реку Тура, «бегущую» позади строения. Это был красивый дом, построенный из толстых брусьев, которые хоть и почернели по прошествии времени, но

не растеряли своей естественной природной крепости. Он и сам не мог понять, в чем здесь скрывался секрет, но как только он переступил порог, его душу охватил бесконечный покой. Гармония с окружающей природой, которую создавало древнее компактное строение, не вписывающееся в рамки привычной симметрии и размеров, излилась, как бальзам на душу, пробрала до самых костей, – этот «деревянный дворец» показался ему столь же родным и добрым, как материнское лоно, столь же надежным, как отцовские объятия! Напомнил некогда прожитую и основательно забытую беззаботную, невинную пору детства.

Бархатное чувство чужбины, да, родная чужбина – такое тоже бывает.

При каждом шаге ему хотелось задержаться и собрать рассеянные, но приятные, драгоценные осколки памяти, собрать и нанизать эти бусинки на прочную нить, заново погрузиться, окутаться в свет и сияние, по которым он тосковал годами, но не вышло; проблески воспоминаний, крохотные, как игольное ушко, всполохнув, вмиг исчезали в небытии...

Это место обладало и обдавало странным настроением, будто здесь скрестились, пересеклись два противоположных друг другу мира. Знал бы, что не засмеют, так и сказал бы: здесь средостение двух миров. А река Тура, бегущая позади дома, граница двух этих миров – связка между ними! Тут царствовали странное заплесневевшее безмолвие и апатия. Пространство не подпускало к себе ни одну «живую» душу, даже воспоминания, отталкивало их своей герметичностью. «Дворец» сторожил руины некогда величественного каменного царства. Оберегал покой полуразвалившегося храма на берегу Святого озера, которое просматривалось, как на ладони, и одинокого покосившегося от ветра и снега, затерянного среди густых сорняков надгробья во дворе храма.

Необычность проявлялась на каждом шагу, даже в самых казалось бы привычных местах. Перила «змеистой» веранды, сооруженной на лоне гигантской, ветвистой лиственницы, были так искусно отделаны, что, казалось, «змея» соскользнет через секунду наземь, оставит зигзаги на песке и обовьет твою шею в смертельном броске. Над лестницей из толстого цельного дерева свисал череп неведомого существа. Положа руку на сердце, он и сейчас мог поклясться: ни до, ни после того, никогда и нигде – ни в реальной жизни, ни в кино или книгах с иллюстрациями – ему не встречалось подобное создание! Однако его с первого взгляда околдовало и связало по рукам и ногам ни то, ни другое, а холодные, ничего не выражающие крокодильи глаза Старика. Ему даже на кратчайший миг почудилось, что глаз у Старика вовсе нет, его когда-то очень давно ослепили, и глазные веки, чуть ли не вечность остававшиеся закрытыми, слиплись намертво. В противном случае откуда могли взяться у человека такое равнодушие, такая безучастность, от которых становилось столь неуютно?! Он казался совсем не от мира сего, весь блеск этого мира был ему чужд; стоя за прозрачным стеклом, он глядел на их развеселый смех, полные страсти выкрики как на пустое, бессмысленное занятие. Будто безмерность долгой-предолгой жизни утомила его. Да что там утомила, ему было вконец противно. Бесконечные годы отняли у него всю любовь и интерес к жизни. Сидя на берегу реки Тура, Старик с нетерпением дожидался своего конца, своей участи...

«Такие не умирают, – он и сам вздрогнул от мысли, пришедшей ему на ум при первой встрече со Стариком, – прядутся, как кудель, истончаются, как нитка».

«Храни Господь от такой беды: хочешь умереть, но не можешь!»

– Кто лезет в баню в трусах, умник? – после каждого слова Татара девчонки за-

ливались хохотом. Ему пришлось не по душе, что Татар так фамильярно обращается с ним среди незнакомых чужих людей, но по-настоящему покорила его грубость по отношению к Старика. Татар гонял Старика, который в деда ему годился, туда-сюда, как мальчика на побегушках, прикрикивал на него, грозил. Старик же, что было удивительно, с неподходящей своему возрасту легкостью и восторженностью, да-да, восторженностью, исполнял каждое его поручение (покорно и споро!), и в это время уголки его губ осенял проблеск хитроватого довольства, о котором никто, кроме Все-вышнего, не ведал.

«Идущий в ад ищет себе попутчиков».

О Боже, как сложно устроен человек! И нет в нём ни стыда, ни совести; поначалу он стеснялся Старика – не заходил в баню вместе с девочками, но перспектива оказаться вместе с ними голышом не переставала его щекотать, потому немного спустя он скинул всю одежду и скрылся из виду в горячем паре баньки, жарко на-топленной Стариком.

Ему с первого же раза так всё это понравилось и он оказался так на это падок, что усидеть на севере не мог, кстати или некстати покупал билет и летел в Тюмень. Аэропортовские бомбилы – народ ушлый, сразу понимали, что перед ними «жирный» клиент, не скупящийся на деньги, они подбирали его, как только он спускался с самолета, хитро улыбались и без лишних вопросов отвозили на тот холм. Савченко в шутку прозвал это местечко «Аполлон отелем», – величественные колонны, белеющие на вечнозеленом горном склоне, со стороны и впрямь напоминали останки Дельфийского храма Аполлона. Свободы, которая царила в «Аполлон отеле», не найти больше нигде на свете: зимой ли, летом, когда бы ни ступила туда твоя нога, вино лилось рекой, пир стоял горой, веселье отдавалось в теле. Бывало и так: в лютую зиму, выбежав из жаркой бани, валились девки и парни на снег, а летом забегали в реку – и все в чём мать родила! Занимаясь животным сексом, выпускали из глоток звериный рык, который отдавался эхом в давно покинутом местными жителями храме по ту сторону Святого озера...

Но, несмотря на все животные свои повадки, они и близко не подступали к воде Святого озера. Какая-то невидимая, неведомая сила преграждала им путь. Местные жители не использовали эту воду даже в целях орошения, даже скотину этой водой не поили; считали за великий грех. Чего нельзя? Почему грешно? – причину никто не заявлял. Так и говорили: «Нельзя и всё!» Разок он даже попытался вывести тайну у Старика. Старик уставился на него холодными крокодильими глазами и промолчал, дрогнули уголки старческих губ, только и всего.

После того, как он сошелся с Татаром во второй раз, дела пошли, как по маслу. «Баста, на фабрику забей, – сказал Татар, – сообщай, сколько тебе курятины надо, сам вышлю, толкай и кайфуй по полной...». Татар за словом своим постоял. За два года он прислал столько курятины, что денег у него уже куры не клевали; деньги сами сыпались на голову, как манна небесная. Вдобавок Татар его «крышевал», – в ту пору в России заправляли бандиты, – ни одна сволочь не посмела бы слова лишнего ему сказать. Но факт оставался фактом, всё, что он накопил за последние два года, вылетело в трубу за считанную неделю. «Августовский дефолт» за одну ночь обанкротил его страховую компанию «Наско».

А оставшиеся сбережения сгреб до последней копейки молодчик из Элисты.

Сейчас, когда в эту тоскливую февральскую ночь он попрощался с Савченко и устремился в беспросветный темный лес, на то у него имелась своя причина – хотелось повидать Старика! У него не выдержало бы сердце, не повидайся он в ту ночь со Стариком. По сути его нынешний визит в Тюмень не предполагал встречи с Гансом, эту встречу организовал сам Савченко. А трепло о контракте он выдал нарочно, чтобы уйти от Саши. К черту контракт, ему нужен Старик! Он хотел выяснить, почему над ним уже немалое время висит это проклятие. Ему казалось, что один Старик знает об этом, имеет самое прямое отношение и что тот всемогущ; ему хотелось выбраться из этой черной полосы, в которую он угодил...

В чем же заключалась его вина? Что стряслось в ту майскую ночь?!

...Татар притащил из поселка новенькую. У нее были бесчувственные овечьи глаза, бесстрастные глаза утопленницы. Она ни с кем и словом не перемолвилась, стояла в сторонке и безучастно наблюдала за происходящим. Татар схватил ее за руку, грубо подтолкнул к нему и сказал, мерзко ослабившись: «Вот, познакомься. Да не дрейфь ты. Ей ее же батя «пломбу сорвал».

Слова ударили током, он застыл, как вкопанный: как?! Свой же отец?!

Хитрая дрожь прошла по лицу Татара, точь-в-точь, как у Старика, он одновременно испытал отвращение к ним обоим. Он побледнел, как мел, вся кровь схлынула с лица. Попытался подбодрить себя, взять в руки, не вышло. «Пошли к черту!» – не смог совладать он с чувствами, разметал по сторонам всё, что попало под руки, и орал не переставая: «Суки! Падлы! Бляди! К черту вас всех!».

«Тебя это тоже касается, старый козёл!» – обругал он заодно безропотного Старика...

«Безропотного? Да уж, как же...»

В ту ночь до самого утра он не мог сомкнуть глаз. Так и ворочался из стороны в сторону. Но как бы он ни изворачивался, от вперившихся в его глаза «овечьих глаз» девчонки увернуться не удавалось. А когда на рассвете он вышел на свежий воздух и направился к Святому озеру... Грудь от умиления стала вздыматься, как паровой котел; озеро, окруженное с четырех сторон зеленым лесом, казалось живым, одушевленным! Оно хотело избавиться от тягостного, мучительного бремени, которое носило в чреве точно роженица! Гладь озера выглядела спокойной, но воды внутри кипели, и мнилось, озеро сейчас заговорит человеческим языком. Наконец-то откроет страшную тайну, которую годами вынашивало в своей груди, в своем чреве!.. Над древним полуразрушенным храмом на берегу озера нависло набрякшее темное облако. Будто оно тоже не в силах было покинуть это место, словно горемычный отец, дожидаящийся на берегу бушующего моря своего поглощенного пучиной ребенка. И то черное облако отражалось на ровной глади озера точно в зеркале без единого пятнышка. Он за всю свою жизнь не видал такого черного облака. Облако в озере манило его магнитом. В утренних сумерках он шел к озеру, вытянув перед собой руки, как слепец! Если бы не окликнувший его голос...

«Вернись!» – полный волнения голос Старика словно пробудил его ото сна.

С тех пор он больше ни разу туда не вернулся.

«Его отец работал «химиком» в поселке...»

По окончании института ему дали направление на север, где он проработал некоторое время по своей специальности, но, войдя в азарт в эпоху перехода к ры-

ночной экономике, он, как и многие, окунулся в бизнес. Поначалу он открыл страховую компанию: своя печать, штамп, фирменные бланки... Тоже мне! Еще и название громкое придумал – «Наско». Хорошо хоть не «Фиаско»! На бумаге дела шли хорошо, но он понял, что нет, братец, каждый тихо занят своим делом, торговлей, а на страховку плевать хотели. И если он, засучив рукава, не возьмется за какое-нибудь конкретное дело, то так и будет мыкаться. Он приступил к мелкой торговле. Поначалу продавал там же, где и покупал, – золотое правило безубыточной торговли: покупай у своего порога и продавай там же. Заработав таким образом неплохой первоначальный капитал, он, как и многие, устремился в большие города – доставлять на север большие партии товара. Тогда-то он и увидел, как выглядят настоящие деньги. Что бы он ни привозил, всё вмиг улетало за двойную, тройную цену. Верно говорят, деньги приносят деньги: за короткий срок «Наско» обнаглела и совершила значительный оборот!..

В ту пору они еще не встретились с Татаром, и о существовании этого проклятого Содомора он еще не знал, вбил себе в голову разыскать родителей, сдавших его в детдом. Разыскать и найти во что бы то ни стало. Это желание не давало ему покоя: раз дела у него идут хорошо и, слава богу, он ни в ком не нуждается, почему бы не узнать, кто его родители!..

Знал лишь то, что когда ему было шесть лет, его в детдом отдала одна смуглая женщина. В студенческие годы он несколько раз пытался пойти и найти их старый дом, увидеть, кто там есть, кого нет... Пытался пойти, но так и не пошел – не смог; так и не осмелился сделать решающий шаг. Каждый раз какое-нибудь «но» преграждало ему путь. Но он всё-таки выяснил, где находится родное село. В лесу, взявшем в кольцо Святое озеро, расположено пять-шесть древних поселений, женщина, отдавшая его в детдом, была из одного из тех сёл. «Пять-шесть сел» потому, что два из этих селения в дальнейшем объединились и стали большим поселком – Содомором! Содомор располагался на главной дороге, оттого и разросся постепенно, развился и стал чуть ли не городом: на его территории находились три крупных предприятия – Бройлерная фабрика, Деревообрабатывающий комбинат и Завод по производству соли, а еще множество кафе и закусочных, кинотеатр, банк и даже филиал университета. Были понастроены пятиэтажки... Остальные три села – по его расчетам, родное село было одним из трех – стояли поодаль от центральной дороги, в глуши, куда ты мог бы добраться, идя через лес возле озера. Не каждый шофер такси соглашался повезти в такую глухомань, где кончалась нормальная дорога и начинались сплошные рытвины и колдобины. Так что большинство селений этого типа теперь пустовало. Избы слепо глядели на солнце словно покинутые гнезда аистов. На дверях одних висит замок – один бог знает, вставят ли в них ключ, а двери и окна других и вовсе заколочены. Редкие избы показывают признаки жизни: вьется слабый дымок из трубы одной, за мутным стеклом другой тускло горит свет. Кто мог, кто был в силах, кто на что-то надеялся или даже ни на что не надеялся, покинул родной кров так или иначе. Нужда, заработок, развлечения увели молодежь из села. Единственные нынешние обитатели – дряхлые, дышащие на ладан старики да старухи, кое-как сводящие концы с концами, ставя новые заплатки на прежние воспоминания...

Он сошел с автомобиля у входа в село и пошел пешком, ступая среди деревянных изб, разбросанных вдоль озера словно пчелиные соты. Он боялся вспугнуть звенящую в ушах тишину, осевшую на дома, деревья, тропинки, полесье, дремавшие под толстым слоем снега. Тишину нарушало лишь поскрипывание его ботинок на

снегу, порой он задерживал шаг и принимал со всей болью сердца пробирающую до мозга костей скорбь этих тоскливых безлюдных строений. Он с наслаждением прислушался к расслабленному постаныванию нервов, до предела натуженных от бесконечного напряжения большого города, ежедневной суеты, беготни по делам, каждой клеточкой тела ощутил, как мозг освободился от надоедливого жужжания; гул выскальзывал из ушей точно вербный пух, отлипал ото лба точно лист лопуха.

В селе царила жуткая могильная тяжесть. Он думал: что изменится в его жизни, если в одной из этих жалких, покосившихся хибар он отыщет родных отца и мать, братьев и сестер или кого-либо из близких? Изменится ли?! Наступит ли конец страданиям, годами копившимся в груди и превратившимся в тяжкий камень, ком горечи? Или вовсе наоборот: он растеряет и тот крохотный покой, который нашел по прошествии долгих лет, покой, за который расплатился сиротством, тяжкими муками, нуждой и нищетой?! Это безжалостное, странное чувство даже немного его напугало. Ему вдруг захотелось обернуться и бежать что есть мочи, убраться как можно подальше от этого села. Не вышло. Ноги его не слушались; будто б он был вовсе не из мяса и костей, а целиком из чувств. Откуда ему знать, что значит дом, что значит семья, когда он покидал шестилетним это село... Какое-то непривычное разумение привело его к порогу покинутой избы, построенной из некогда цельных здоровых брусьев, а теперь покосившейся набок... На лоне Святого озера, поблескивающего в солнечных лучах, как утренний иней, и кокетничающего в снежно-туманной белизне словно новобрачная, эта изба выглядела жалкой и сиротливой. Вся его сущность, плоть, дух и душа... разбились на мелкие осколки от этого впечатления и посыпались вокруг – на озеро, воздух, землю – в виде прозрачных кристаллов. И в тот самый миг он ощутил, как на его плечи снизошла невесомая «тяжесть»! Он тут же попытался стряхнуть с себя эту тяжесть, но понял, что лишь впустую тратит силы, понял, что эта тяжесть совсем не из ряда вон.

Чего он боялся, то с ним и случилось.

Один Бог знает, сколько времени он вот так простоял в одиночестве.

– Проваливай давай, убирайся отсюда!

Перед ним возникла старуха с седыми косматыми волосами, – ему почудилось, что старуха отделилась от мягкого тумана над озером, образованным от тайного бракосочетания мороза с солнцем. Она сжимала в ладони палку длиной в руку, пришла и встала перед ним, как настоящая буйно помешанная: «Проваливай давай, сукин сын! Только тебя тут не хватало! Выродиться бы вам до седьмого колена! Мерзкое семя! Пошел к черту! Не то, вот видишь это, – она просунула палку под юбку, зажала один конец между ногами, а другой уставила на него, – трахну тебя вот этим!» Естественно, она сказала не «трахну тебя», а «вые...у тебя», и в этом месте автор беспомощно признается в неумении донести «красивые словеса» старухи во всей их прямоте и цветистости. Хотя в устах старухи, выглядящей намного старше и дряхлее трехсотлетней вислокрылой вороны, этот трехэтажный мат звучал не так уж и странно: – Ха-ха-ха-ха-ха!.. Хе-хе-хе-хе!.. Хо-хо-хо-хо!..»

Старуха с до смешного огромными сапогами на ногах, с воротом нараспашку, непокрытой головой, кружилась волчком во дворе и, как ей мнилось в безумном раже, водила машину. Одной рукой придерживала у себя «там» палку, а другой крутила невидимую баранку: «Би-би-и-п! Би-бип, би-бип-би-би-и-ип... К содоморским бабам укатил твой батяня. Жим-жим-жим-обжим, жим-жим-жим-жим-обжим, – время от времени она «подкатывала» к нему, терлась палкой об его ноги и заливалась сума-

шедшим хохотом. – А мать-то твоя сидела вот здесь и плакала, и-хи-хи-хи-хи, и-хи-хи-хи-хи-хи. Вот здесь, – старуха «поддала газу» и повела свою машину в самый угол двора, – здесь, да, прям здесь, два кипариса тут росли, ровные, высокие, аж до неба доставали...»

– Не обращай внимания, больная она, – тихо пролепетала незаметно появившаяся рядом низенькая, благодушная старушка. – Никак ее Бог не приберет, чтоб отмучилась наконец.

Пять-шесть других старух, стоя на пороге своих изб, тянули головы в их сторону, как подсолнух тянется за солнцем. По сути, этих божьих одуванчиков, прилепившихся к своим окнам, он заприметил раньше, ступая в глубь села. Найдя на себе их полные интереса взгляды, – еще чуть-чуть, и они выдавили бы лбами оконные стекла из рам, – он почувствовал себя довольно неудобно.

«Куда подевались мужики?!» – от первого пришедшего на ум вопроса у него самого мурашки пошли по коже.

– Всех утянул Содомор. Твоего отца тоже утянул Содомор, не иди туда. Возвращайся обратно, пожалей себя, молодой еще, иди обратно. Это дьявольский рассадник. Опасно. Пойдем налью тебе чаю, долгий путь держал на морозе, но потом уходи.

Не дожидаясь от него ответа, старуха засемила мелкими, голубиными шажками в свою избу. Некоторое время он так и простоял молчаливо, а потом последовал за ней словно сирый ягненок.

– Мать-то твоя красавицей была. Как лебедь, глаз не отвести. Только вот безропотная, как курочка, робкая, нерешительная. А характером такая покладистая, ласковая, как солнышко. Издали привез ее батя твой, вырвал из родного, знай, гнезда и посадил в четыре стены. Не разрешал за порог ступить. Сам-то, перекаати-поле, гулял, где хотел и с кем хотел, а мать твоя, горемычная, одна за двумя детьми присматривала. Не от мира сего была. Мы диву давались, всё ведь знала, знала, что муж гуляет на стороне, но молчала, терпела. Всё ему прощала. Сил у ней только на слезы и хватало, ревела без умолку с утра до ночи. Любила отца твоего, безумно любила. А как они друг другу подходили, как ладно смотрелись, Господи, как пара кипарисов: оба высокие, статные, подбористые... Всё по вине отца твоего дуралея случилось. Порчу на него будто навели, отворот на жену. А то как же? Бросить такую жену, бросить детей, ради какой-то уличной девки?! Толку то? Пропадал месяцами, не приходил. В конце концов исчез насовсем. Мужики все такие. Говорят, гниет сейчас на, как его там, химии что ли, поди разбери. Олух!.. Такой статный парень, настоящий красавец!.. А мать твоя бедняжка... осталась с двумя детьми без еды, без воды. Говорили мы ей: «Позвони кому-нибудь из родных и близких, пошли телеграмму, весточку пошли, пускай заберут тебя отсюда, до каких пор голодать взаперти будешь?» Упертая была мать твоя: «Хоть бей, хоть убей, никуда не пойду, никому звонить не буду. С каким лицом пойду? Что им скажу?» Не знаю, сынок, не знаю, чем могли помочь ее горю? Чай-то пей, остывает, небось. Давай свежего налью, – она с кряхтеньем поднялась, чтобы принести гудящий на кирпичной печке чайник.

Он остановил ее. Взял за руку, попросил присесть и продолжить свою речь, и сказал, что принесет чайник сам.

Бабуля «кормила» его самой ценной порой его жизни, ничего, что горчит, пустяки! Она лила бальзам на его жаждущие губы. Какой там чай, сейчас не время чаи гонять!

– Да и документов толковых на вас не было. Старшего хоть в детдом отдай, говорим ей, – ты тогда уже взрослым был, школьного возраста, – молодая ведь, говорим, найди себе работу какую-нибудь, дети-то в чем виноваты, зачем их голодом морить? Заработаешь деньги, говорим, вот и заберешь обратно, никто ведь ребенка у тебя не отнимает... Поначалу не соглашалась, говорила, не могу своими же руками родного сына в детдом отдать. А потом, видать, образумилась, отвела тебя туда... Нашла столовую, рабочую столовую, устроилась туда посудомойкой. Столовая потом закрылась, и мать твоя переехала, связь с ней мы полностью потеряли. Поговаривали, что там вместе с ней какая-то женщина работала, вот мать твоя с ее братом ушла. Таджики или узбек, в общем, из этих. Я так тому обрадовалась, богом клянусь, казалось, что сама замуж вышла, – при этих словах мелкие старушечьи глаза заблестели...

В поисках матери он обошел пядь за пядью все окрестные села, все придорожные столовые. Стучался во все двери, расспрашивал каждого встречного. Но никакого положительного ответа не получил. Будто сквозь землю она провалилась! А поиски отца привели его в Содомор – на Деревообрабатывающий комбинат. Ему удалось разузнать, что отец работал «химиком» на комбинате. Он думал, отец и вправду химик, на деле же оказалось, что заключенных, работающих в принудительном порядке в исправительно-трудовой колонии, кличут «химиками». В ту пору заключенных этого типа гоняли на ядовитые химкомбинаты, радиоактивные фабрики и заводы, опасные, вредные для здоровья и жизни учреждения, предприятия. «Химики» не считались полностью лишенными свободы, они жили в специальных общежитиях, могли контактировать с местными жителями, ходить в магазины.

Но отыскать отца не удалось и на комбинате. К кому бы он ни обращался, все неохотно бурчали что-то под нос и спешили от него отойти. Он смог выяснить лишь то, что незадолго до освобождения отец потерял обе ноги на станке, вышел на свободу в инвалидной коляске.

«Один Бог знает, где он теперь...».

«Кому теперь он – инвалид – нужен...».

«Найди Петровича, если кто-то и знает, то он...», – в конце концов ему указали на «шанхайский квартал» поселка.

Петрович жил в компактном деревянном строении – тесном бараке, где еле-еле помещались двое. Жил он вместе со своей собакой. После отбытия заключения ему некуда и не к кому было податься, вот и пришлось застрять здесь. Узнав, кто перед ним стоит, бедняга так обрадовался, так засуетился, что места себе не находил! Будто нашел на чужбине родного человека, не знал, какое добро ему сделать. Закружившись волчком в захламленной комнатухе, он достал и поставил на стол заныканную бутылку вина. На окне висела связка репчатого лука, Петрович принес одну луковицу, разделил пополам и накрошил трясущимися от радости руками хлеба...

– Ни за что ни про что сел твой отец. Не за дело... По сути, все тут сидят ни за что, – странная рябь заиграла на лице Петровича. – Ты уж прости, из-за потаскухи какой-то гребаной. Зря совсем. Да разве к лицу мужику ради такого нож доставать?

Петрович налил себе и гостю в граненые стаканы красного, как кровь, крепкого вина. Чокнулись, опрокинули залпом. После бормотухи Петрович сиял, как граненый алмаз, у него развязался язык:

– На воле житуха у батяни твоего славная была. Пировал, гулял, горя не знал. Дальнобойщиком работал. «Капитаном дальних плаваний!» За баранкой дни прово-

дил. Как птица вольная. Жил в дороге. Ездил от Москвы и Петербурга до самого бишь Северного Ледовитого – к вашим краям. Карманы ломились от бабла, а сам ведь красавец был, статный весь, бабы за такими сами бегают, схватят – не отпустят. А сам-то он по этой части тоже был хорош. Ветер в голове гулял. Стоило увидеть какую-нибудь хорошенькую, так сразу голову терял. Ни одной юбки не пропускал. Сам сознавался, не могу совладать, говорил, как больной я. Вот как Бог меня покарал, говорил, променял родных детей и жену на всяких шалав. Забегаловки на трассах ломятся от красоток, сам знаешь. Стекаются из близлежащих поселков на эти кабаки, как полчища саранчи. Да-да, как муравьи на сладкое. Сам знаешь, почему. В одном из таких кафе он и познакомился с Олей. Оля родом из этого поселка. В молодости, говорят, красавицей была. Да и сейчас выглядит неплохо. Но толку-то, если Господь рассудок отберет, то пиши пропало. Сам прикинь, такой красавец-мужчина где выпьет, там и завалится на ночь. А в дом родной словно в гости приходит... Верно говорят: за что боролся, на то и напоролся... Слыхал, наверное, – чувствовалось, Петрович собирается сказать что-то нелицеприятное, потому осторожно выбирает слова, замалчивает основную тему, – не приведи никому Господь... Выйдя на «химию», отец твой гулял с одной девкой из поселка. Писаной красавицей была чертовка, все диву давались, как он ее подцепил. Долго жили вместе, как полагается, как муж и жена: с первого же дня. А потом выяснилось, что... Господи, прости меня грешного! Прости меня недостойного, Господи. Выяснилось, что... девка та собственной дочкой его была. Родной его дочкой – от Оли! У бедолаги крыша поехала, когда узнал. Хотел наложить на себя руки, но не стал, сказал, смерти мне мало. Два месяца наружу не выходил, сидел у себя и горько плакал. И вот в один день слышим, что обе ноги свои пустил под пилораму...

«Не надо было мне сюда заявляться! Не надо было! Какого хера я потерял в этом гадюшнике! Столько лет ведь прошло, какой еще отец мне нужен?!» – он совсем раздосадовался, никак не ожидал, что его бесславное прошлое окажется настолько гадким.

– Еще на чувашке какой-то женился, – Петрович сам нарушил тягостное молчание, – ребенка от нее имел, прожили вместе пару лет, потом в чем-то не сошлись, разругались и разошлись. Одно время говорил, как выйду – поеду туда. Потом передумал, в Калмыкии, говорил, в Элисте, сын есть у меня, к нему и поеду. Ну что тут сказать, ей-богу, под каждым кустом наложил. И себя погубил, и семья свое, детей родных. Говорил, за ее слезы расплачиваюсь – мать твою имел в виду. Не стал ей достойным мужем, говорил. Горько сожалел. Знал, что тебя в детдом отдали. С каким лицом, говорил, я к нему пойду. Провалиться бы мне на ровном месте, говорил, когда я от них уходил. Повторял всё это и рыдал, как ребенок... Когда увидел тебя на пороге, подумал, это он, – лицо Петровича снова озарилось, на сей раз продолжительно! – Как две капли воды похожи, слава Тебе, Господи. Он тоже такой статный, плечистый весь был, красавец, короче. – Петрович призадумался на пару секунд, встал и долго рылся среди хлама в углу комнатухи, наконец вернулся с какой-то фотокарткой.

– Держи, его фотка, – сказал он. – Молодой тут еще...

На протяжении всей своей жизни отца он видел лишь в беспокойных снах, рисовал в воображении. Отец выглядел совершенно иначе, вот те на!, таким его он и не представлял. Но как только увидел, узнал и признал. По губам узнал, чудно, не по бровям, не по глазам, – по губам. Понял, что это родной ему человек.

Фотокарточка была довольно старой, точнее, это была часть порванной надвое карточки, – та часть, где остался отец. Мать, по всей вероятности, осталась на другой части, увы! Не то и мать свою мог бы увидеть, да-да, прикинь, родную мать! На руках они, по всей видимости, держали малыша, – может, это он сам и был в младенчестве, – при «разделе имущества» на долю отца выпала лишь одна рука малыша. На фото отцу было от силы тридцать-тридцать пять лет. Он позировал в рубашке в черный горошек. Густые, черные курчавые волосы, агатовые усы придавали еще больше радости его улыбчивому лицу; его лицо светилось счастьем.

«Наверно, в ту пору они еще не развелись. В противном случае, он не выглядел бы таким счастливым», – он неотрывно смотрел в отцовские глаза. Понял, что вот человек, которого он ищет, человек, который смотрит с фото. Добрый, родной... А всё остальное, всё, что случилось потом, его не касается.

– Я могу оставить его у себя?

– Конечно, он так и так твой...

Последующие слова Петровича доносились до него смутно. Петрович нёс какую-то околесицу: «Не надо было тебе сюда возвращаться, сынок, уходи отсюда. Никто в этом гадюшнике добра не повидал. Не губи себя, пожалей, молодой еще, – Петрович говорил то же, что старушка из села. – Беги, беги отсюда как можно подальше!..»

Перед тем, как покинуть хибару, он оставил на столе дюжину крупных купюр.

«Беги, беги отсюда как можно подальше...»

Несколько этих слов, застрявших в самых глубинах его памяти, вряд ли когда-нибудь еще всплыли бы на поверхность, если б не горячечные бредни Савченко спустя годы в «Аполлон отеле» за день до той ужасной майской полночи – в бане, когда, нагулявшись и напившись до чертиков, все парни и девки, потеряв под утро ключи от жопы, распластались замертво где ни попадя. В туманной зыби между опьянением и трезвостью, одурью и бессонницей они пропустили еще по «сто» вдогонку за убегающей хмарью, и тут на ровном месте Савченко ни к селу, ни к городу начал без удержу нести какую-то околесицу. Правда, разобрать детально, о чем он толкует, было трудно: некогда случившаяся реальная история, дошедшая от старших поколений, была вперемешку с небылью, древняя туманная притча или же плод большого воображения в дупель пьяного бандюгана...

То ли Мирза Гашгаром звали, то ли Мирза Габилем, короче, жил человек с таким именем, рассказывал Савченко. Кажись, всё-таки Мирза Гашгаром звали, да. Габилем звали другого – того, который взял и исчез... Именно этот Мирза Гашгар и основал в свое время нынешний поселок, три остальных селения на берегу Святого озера, да и древний храм основал не кто иной, как он. Очень степенным, почтенным человеком был, один Бог знает, как он здесь появился в полном расцвете сил. Его руки, его дыхание обладали неведомой силой, силой исцеления. Мог снимать порчу, изгонять бесов. Легким движением руки начисто снимал малярию. Жил в крохотной глинобитной хижине на месте нынешних каменных колонн. Прослышавшие о нем паломники изо всех уголков страны – ищущим исцеления и спасения у Мирзы Гашгара было несть числа, от бесконечного людского потока тут яблоку негде было упасть – натаскали каждый по кирпичику, по камушку и отстроили для него такую непри-

ступную крепость, что весть о ней дошла до самого Кавказа. Среди собравшихся на тепло и свет этого очага было немало представителей интеллигенции, ученых, но наряду с ними в общину затесались и фальшивые святоши-самозванцы, терпеливо дожидаящиеся своего часа. Сразу после кончины Мирзы Гашгара вся власть в Крепости переходит в руки его дочери, тут-то и начинаются все беды. Девушка, падкая на гульбу и кутеж, всякие низменные удовольствия, зачинает такую порочность и разнузданность, для которых даже слов не подобрать. С каждым днем расширяется мерзость запустения на месте святилища. «По сравнению с ними выходки дочерей пророка Лота казались детскими. Даже жители Содома и Гоморры не совершали таких святотатств», – именно так и сказал Савченко, да. Правду говорил Татар: этот Савченко – дошлая сволочь. Неспроста ведь Татар кликал его Философом – сечет фишку. (Позднее он узнал, что Савченко окончил на отлично истфак, всё обещало ему блестящее будущее, но ему по какому-то делу пришлось сесть в тюрьму, а дальше... «пошло-поехало...»). Саша в шутку называл Старика из «Аполлон отеля» Оракулом: «Всё равно никто точно не знает ни имени, ни возраста старикана. Спроси старожилы поселка, скажут, с малых лет видели его точно таким, без изменений. Кто он, что он, откуда пришел, когда пришел – всё это большая загадка». Семя тайного блюда сеется не только среди паломников, совершивших путь к «Месту силы Мирзы Гашгара», но и среди жителей пяти окрестных селений. Самозванцы отнимают скудное имущество безропотных бедняков, сирот, всех тех, у кого нет заступников, но на этом не успокаиваются, они сбивают с пути молодых девушек и женщин, прелюбодействуют, раздевают донага и, до самого утра танцуя вокруг с бубнами в руках, вытворяют с ними всякую мерзость. «Свальным грехом, гасками¹ занимались!». Видать, вечно так продолжаться не могло, в конце концов дело дошло до того... – хлебная прозрачную, как слеза, водку, Савченко выглядел так, будто вот-вот откроет страшную тайну; его блестящие, как стекло, глаза расширились и вышли из орбит, ледяной взгляд безжалостно пронзал слушателя. – Значит, дело дошло до того, что один из этих фальшивых святош-самозванцев нарочно или не нарочно допустил такой грех, который не взяли на себя ни земля с небом, ни ветер с дождем! Короче, мерзавец совершил кровосмешительство! Осквернил ложе той, кто была ему запретна! С этого всё и началось. Одним прекрасным майским днем сын и дочь того самого несчастного грешника вышли на лодочную прогулку по озеру (знали они или нет, что приходится друг другу родными братом и сестрой, этого Савченко внятно не изложил. Видимо, и сам толком не знал всё до мельчайших деталей). Стояла теплая, погожая весенняя пора. Та весенняя пора, когда кровь бурлит в венах и отдается во всех жилах. А эти бедолаги несчастные молоды совсем были, кровь им в голову ударила. За беседой и не заметили, как лодку унесло прямо в центр озера, а вокруг одна вода. По водной глади стлался легкий туман, вот и решили, будто, кроме них, ни одной живой души на всём белом свете нет. Солнце припекло, бес попутал, потянулись за запретным плодом. Животная страсть овладела обоими, да так, что устоять не смогли! «Не надо, не надо, не надо!..», – поначалу пыталась сопротивляться девушка, но особо упираться не стала. «Не надо, не надо, не надо...», – вдруг очнулись, очнулись и поняли, что совершили великий грех, и дело уже сделано! В мгновение ока тучи накрыли небо, всё смерклось, будто Судный День настал! На озере поднялся

¹Гаски – этот обычай, который тоже можно назвать свальным грехом, описывает итальянский путешественник Рокколини. Вся молодежь деревни собиралась в большом доме. Пели и плясали при свете лучины. А когда лучина гасла, предавались любовным утехам вслепую с тем, кто оказался рядом. Затем лучину зажигали, и веселье с плясками продолжалось снова. И так до рассвета.

ужасный шторм, разнес их лодку в щепки! Озеро утянуло в свои пучины обоих грешников, – якобы именно после этого происшествия озеро стали называть Святым. Люди несколько дней подряд с утра до ночи, не покладая рук, ворошили вверх дном и само озеро, и его окрестности, но так ничего и не нашли: ни одной щепки от лодки, ни одной приметы тех несчастных. Вода утопленников не прячет, верно ведь говорю, труп разбухает и всплывает на поверхность, но их тела – ни парня, ни девушки – не нашлись, будто навеки в воду канули... Проклятый отец целыми днями ошалело метался по лесу вдоль озера, до рассвета возносил мольбы Богу, но всё впустую. Будто бы и сам Бог отвернул свой Лик от этого края! Отвернулся от своих блудных созданий! Ни мертвыми, ни живыми детей не нашли. Люди так и так по горло сыты были выходками крепостных, а последнее происшествие только подлило масла в огонь. Разъяренная молодежь пяти окрестных селений решила поймать того мерзавца и сжечь его заживо, чтобы очистить свое доброе имя от позорного пятна. «Не надо, не надо! Его сам Бог покарал, а вы не троньте! Гоните прочь из своих домов, не здоровайтесь при встрече, не подпускайте близко, но не убивайте, ни в коем случае! Не то мы тоже погрязнем в грехе, пожалейте всех нас и себя!..» – старейшинам села удалось кое-как остудить пыл мстителей. На какое-то время потерявшая контроль толпа утихомирилась. Мужчину объявили неприкасаемым и изгнали из села. Но у буйных молодых всё чесались руки, при первой же возможности они отловили изгоя, отвели подальше от глаз, спустили с него брюки и вытворили с ним то, что и представить страшно... Спустя неделю чабан, пасущий стадо в лесу возле озера, обнаружил труп того несчастного, – тот лежал распростертый ничком на влажном песке. Но самым ужасным стало то, что жители Крепости захотели похоронить того мужчину во дворе храма, где покоились останки Мирзы Гашгара. И знаете, кто настаивал на том? Родная дочь самого Мирзы Гашгара! Люди запротестовали, но сучке всё было нипочем, они ее отговаривали, просили – всё без толку. Не проявила она уважения ни к старейшинам, ни к молодым. Люди и так ненавидели крепостных. А после последней выходки чаша терпения лопнула, за считанные часы они образовали такой огромный людской поток, перед которым не устояла ни одна стена, ни одна преграда! За какие-то сутки они сровняли с лицом земли обитель дьявола – нерушимую крепость, которую некогда сами и возвели! Лишенных своего прибежища «святош» стали побивать камнями, да так, что, казалось, само небо изливает град ненависти!.. После того события однажды утром сельские жители вышли за порог своих домов поразмять кости, подышать свежим воздухом, но тут увидели кучковатое черное облако над двором храма. Они чуть не поперхнулись, чуть не вывернули жилы; откуда могло взяться это черное облако на чистом и ясном небе?! И не просто черное, а непроницаемо-густое словно гарь. Один из старейшин села тут же спохватился: «Это лярва – душа того изгоя над храмом! Он не покинет этот край, пока не узнает, что случилось с его детьми!» «Покуда это черное облако будет продолжать здесь оставаться, нам добра не видать, – сказал другой старейшина. – Не надо было трогать этого проклятого. Не надо было его убивать. Его и так Бог наказал. Вы убили его и тем самым сделали всех нас сопричастным его греху». «Вместо него надо было прикончить ту суку подзаборную, – молвил наконец один старик-слепец, – если она выживет и хотя бы разок родит, считай, пропало, нам не избежать несчастий. Этот грех уже не отмыть до седьмого колена. До тех самых пор, пока не найдется последний мужчина этого презренного рода и не умрет за тот же грех!..» С того времени прошло несколько столетий, но содоморцы всё еще не могут избавиться от этого проклятия.

Ужасное облако появляется каждый день, в один и тот же час на одном и том же месте. Нисходит на рассвете на вершину храма, а под вечер само по себе исчезает. Никакая буря, никакой ветер не в силах отогнать облако. Не в силах отодвинуть ни на миллиметр... С тех пор над поселком нависла беда. Вот уже долгие годы каждый ждет не дождетя последнего мужчины этого проклятого рода; ждет, что он наконец появится и совершит свой ужасный грех...

В темную ночь шофер такси наотрез отказался повести машину по кладбищенской дороге. Хоть убей, сказал он, не поведу. В восемнадцатиградусный февральский мороз шофер высадил его довольно-таки далеко от поселка и повернул обратно. «Ты чего, совсем сбрендил, среди ночи в лес...» Но, с другой стороны, хорошо, что вернулся обратно; непрерывно идущий с вечера снег накрыл все дороги-пути точно пуховым одеялом, машина всё равно не смогла бы одолеть подъем, так и застряла бы на полпути. Опьянение от водки, выпитой с Савченко, прошло, оставив после себя головную боль. По колено в снегу, – хорошо хоть одет был тепло, ноги защищали сапоги с высокими голенищами, – стиснув зубы, он кое-как миновал кладбище, и как только оставил его позади, распрямил спину и поддал шагу, поддал шагу и вдруг пустился во всю прыть! Из глубин непроглядного леса раздавались нечленораздельные, нечеловеческие звуки, которые, казалось, принадлежали потустороннему миру. И он бежал от этих звуков! Бежал со всех ног, обуреваемый смертельным страхом – снявши голову, по волосам не плачут! Время от времени останавливался передохнуть, набирался сил и снова бежал. Хорошо хоть порой издалека, со стороны поселка раздавался глухой собачий лай, – то ли от безделья, то ли по глупости лаяли собаки. И хорошо, что эти звуки принадлежали миру посюстороннему...

Старик стоял перед окном, вперившись в ночной мрак, лицом к Святому озеру, – глядел равнодушно, безразлично. Он даже ни разу не обернулся на звук его шагов. Не промолвил ни единого слова! В тот миг его изумила еще одна вещь (как он смог не заметить этого раньше?), он всегда видел Старика в одной и той же одежде. Зимой и летом в одной и той же кожаной куртке! В давным-давно выцветшей кожаной куртке, которая вместо того, чтобы кукожиться год от года, напротив, с каждым годом расплзлась и теперь уже свисала до самых колен. «Наверно, он сам усох от старости, потому и куртка висит на нем, как на вешалке...». «Интересно, он в этой кожанке и спит?» – проклятье, его на ровном месте чуть не разобрал смех. Но желание смеяться пропало, когда он призадумался и вспомнил, что никогда не видал Старика спящим. Смотря со спины на тонкую словно грушевый черенок шею Старика, на его бледные от плохого кровообращения вислые уши, он устыдился и подавил подступивший к горлу ком; чего ему было надо от этого пронырливого старикана?! Что это он к нему прилепился?! Он и вправду сбрендил, верно говорил таксист. Да ведь этот дряхлый доходяга никому не нужен, тем более не нужны его вшивые советы!

С одной стороны, он радовался, что нашел Старика живым-здоровым, но с другой, безразличный вид Старика совершенно выбил его из колеи. Впервые, когда он посетил «Аполлон отель», у него ёкнуло сердце от страшной догадки, и теперь эта крохотная искорка разошлась бушующим пламенем, охватившим всю его душу и плоть: «Может, он вовсе не живой человек, а призрак?! Или бездумная масса плоти, которую давно покинул дух!..»

«Зря ты сюда вернулся», – раздался глухой, словно из глубины колодца, голос Старика. – Это озеро не Святое, это Проклятое озеро! Проклятое! Они нарочно скрывают это название, чтобы замалевать свой срам. Проклятое озеро, понимаешь, его вода испоганена. И на тебя брызнуло этой водой. Ты тоже виновен! Не надо было тебе сюда приходиться. Но и не прийти ты был бы не в силах. Есть причина, которая тебя сюда привела. Ты – одна из фигур в этой мерзкой игре! Круг должен замкнуться, и его должен замкнуть ты. Ключи от выхода у тебя! Тебе не убежать от своей участи!..»

Он очнулся ото сна с колотящимся сердцем. Понял, что так и уснул, сидя возле камина с тлеющими углями. А Старик... стоял, не шелохнувшись, перед окном. Стоял, как и прежде, вперившись в темноту за окном. Не сказал ни слова, даже не попрощался, покинул комнату беззвучными шагами.

Свежий рассветный ветерок плеснулся ему в лицо, как горсть воды...

II

*Дьявол, куда ты меня привел?!
Твоя помощь обернулась моей гибелью.*

Софокл

Он немало удивился, увидев перед Бройлерной фабрикой «КамАЗ» своей фирмы в ряду грузовиков, ожидающих товара. Кто же мог откомандировать сюда грузовик?! Точно не он сам, – об этом и речи быть не могло, – кто же в таком случае?! Бройлерная фабрика вообще не входила в его нынешние планы. Он упомянул ночью контракт только для того, чтобы уйти от пьяного Савченко. Старик – вот кто его интересовал, а тот просто взял и х... на него положил. Он собирался встретиться утром с Савченко, навеститься на могилу Татара, а потом преспокойно вернуться на север первым же поездом. Ответа от Савченко по поводу денег всё равно пришлось бы ждать целую вечность, и поезд оказывался лучшим вариантом, чтобы выиграть время; поезд на север едет ровно трое суток по бескрайней тайге.

Однако... грузовик находился здесь, и по всему его чумазому виду становилось ясно, что тот проделал долгий путь; грузовик напоминал утенка, угодившего в мазутное озеро.

Снаружи он никого в кабине не заметил. Кем бы ни был водитель, после долгого, утомительного пути, видать, завалился спать. Интересно, кто он?! В фирме есть близкие ему водители, который из них? Он не решился подойти и разбудить шофера, стало жалко: пусть выпится. Дождавшись открытия фабрики, прямоком поднялся в кабинет Алибашировича. Не шутка, тот теперь был директором фабрики. После смерти Зои Галимовны Алибашировича назначили на ее место. Он был уверен, что не уйдет от «старого друга» с пустыми руками. Был даже настолько уверен, что прислал заранее машину. (Хотя ему всё еще было не ясно, как тут очутился грузовик...)

– Пока не погасите прежний долг, никак нельзя! От Татара у вас тоже уйма долгов осталась, сам знаешь. Тут все в курсе, что вы были дольщиками. Тебе лучше какое-то время тут не показываться. И у самого неприятности возникнут, и меня втянешь. Я тут новый, сам знаешь, а недоброжелателей уйма. Им достаточно малейшего повода, чтоб дать мне пинком под зад, клянусь. Не знаешь их, что ли, за два гроша

заложат. А Татара... ну что сказать, ему только этой старой шалавы не хватало. Не знал ее, что ли? Она в молодости с его отцом кувыркалась и под конец сгубила, оказалось мало, перешла на сына и того сгубила... А чё, не знал? Да тебе вообще всё невдомек. Это Содомор! – до самого конца коридора Алибаширович говорил без умолку, а прощаясь, долго держал его руку в своей, осторожничая. – Вечером заходи. Служба службой, дружба дружбой, сам знаешь, как я тебя уважаю. Жинка что-нибудь сварганит, сядем два брата, пропустим по стопке...

Он долго простоял снаружи на морозе.

Водитель спал, укрывшись всем, что попало под руку. Укутался крепко-накрепко, даже головы не разглядеть. Мотор был выключен, потому внутри стоял жуткий холод. Как только открылась дверь, шофер мгновенно вскинулся. Это был Булат – казах Булат.

– Наконец-то, шеф, слава Богу. Я уж думал, вы обо мне забыли, – он рассчитывал получить накладные и заехать на территорию фабрики. Не вышло. – У меня хороший чаёк в термосе, шеф, налить?

– Давай, – ответил он. – И мотор включи, пусть кабина прогреется, холодно. Спешить всё равно некуда. Время контракта вышло, а наликом закупишь тонн пять, не больше, да и то... Да и то даже на бензин не вырuchим.

Повисла гнетущая тишина. Такая тяжелая, что по сравнению с ней утомительная езда в течение двух суток казалась детским садом. Булата охватило странное чувство; будто именно ему предстояло найти выход из этой трудной ситуации, в которую они попали.

– Шеф, давайте поедем в Атбасар, – наконец вымолвил Булат и сам обрадовался своей нежданной мысли, весь засиял от радости. – Знаете, сколько мяса можно там закупить за эти деньги?

– Сперва подыщем какой-нибудь мотель, ты такой путь проделал, прими душ, отоспись, а там посмотрим...

– Мне незачем спать, отдыхать, я уже выспался. Если вам захочется, шеф, отоспитесь в дороге. Я ведь такой путь проделал, не хочется возвращаться порожняком.

«И на тебя брызнуло этой водой. Ты тоже виновен...», – ночной кошмар (это и вправду был сон?) всё еще не отпускал его. Равнодушная повадка – неподвижность – Старика задела его за живое. Может ли человек оказаться настолько упрямым и жестокосердым? В снег и мороз, в поздний час ночи он проделал огромный путь, задыхаясь от усталости и страха, а Старик не промолвил ни единого слова. Промолчал. Да что там, даже в лицо ему не взглянул. «Ты – одна из фигур в этой мерзкой игре!» – с этими словами Старик приснился ему и только расширил неопределенность и неизвестность, в которых он пребывал. Нет, лучше убраться восвояси из этого гадюшника. Бежать, пока не поздно: от самого себя, своего окружения, друзей и знакомых, от своего прошлого и будущего... от всех и всего, отовсюду! Чем дальше от них держаться, тем только лучше.

– Ты пойми, ввели карантин, – умоляюще взглянул он на рябое, но мягкое лицо Булата. – Привозить мясо из Казахстана запрещено, сам знаешь, на границе поставили ветеринарный пост.

– Ну и отлично, что ввели карантин. Никто не может вывезти мяса, осталось на руках, готовы продать за сущие гроши. Вы не переживайте, шеф, всё будет хорошо, вот увидите. Пожалуйста, скажите «да», только и всего, всё остальное сделаю сам. У меня там родственники, дяди с отцовской и материнской стороны, помогут всем,

чем надо. А вернемся таким путем, что даже границы не увидим. Я там все дороги знаю, как свои пять пальцев... Да и бешбармака отведаем, шеф, тетя моя такой бешбармак нам приготовит, что, ах, все пальчики оближешь.

– Ладно, гони! – наконец оперся он пустоту. – Езжай, будь, что будет!

«Езжай, будь, что будет!» – это был ответ на все вопросы.

С дорогами России ничто не сравнится! Слева и справа густые, здоровые сосновые леса, остановки, мотели, столовые на каждом шагу... Тут никак не заскучаешь. Простые, без всякой помпезности дома, накрытые снегом вдоль дороги, приглашают путника к своему теплу и уюту; белоснежный, густой дым, поднимающийся из труб деревянных изб по мере того, как крепчает мороз, издали дает знак страннику словно маяк; желтоватый свет, льющийся из заиндевелых окон на рассвете и в вечерних сумерках, проникает прямо в сердце; постучись в любую дверь, переступи порог – непременно попадешь в собственное детство, в ту беззаботную пору, когда тебя окружали родные отец и мать...

Казахские степи – бескрайняя пустыня, раскинувшаяся до самого горизонта, – серые, монотонные! До одури нудные дороги, тянущиеся, как прямая кишка! Дорога, дорога, дорога... Господи Боже, конца ей не видать. Едешь, едешь, никак не доедешь. Он молча крыл себя трехэтажным матом: «Какого хера ты тут потерял, в этой гребаной степи, повелся на тырку этого казаха Булата. Из-за какого-то, мать его, мяса!».

В непроглядном ночном мраке ему всё больше казалось, что дорога ведет в Ничто, в Небытие; что у машины нет ничего, кроме горстки света, которого та погоняет вперед. Нет ничего, кроме причудливых силуэтов, издали напоминающих человека, а по приближении оказывающихся кривыми-косыми деревьями, ничего, кроме погасших фонарных столбов, внезапно вырастающих из-под земли в тусклом свете грузовика и так же внезапно убегающих назад, туда, где теплится жизнь.

Но было вот еще что: с каждым пройденным километром повисшая на нем тяжесть будто становилась всё легче и легче. Накатывала усталость, но вместе с ней и облегчение. Осевший на него мерзкий запах Святого озера... тьфу, Проклятого озера начал постепенно выветриваться. Ему стало легче на сердце, когда он об этом задумался, он даже похвалил про себя Булата.

Думал, в Казахстане всегда тепло. Да ну?! Ветер, царствовавший целый день над беспризорными степями, под вечер разошелся не на шутку, разбуянился, превратился в метель, взметнул снежное крошево, лежавшее кучками и холмиками вдоль дороги, смешал это крошево с падающими снежинками, поднял ввысь, ударил оземь и заново разметал по дороге...

Дворники на ветровом стекле не поспевали.

– Шеф, вы не думайте, что здесь всегда так, – Булат не сознается, но бессонница его «загасила», голос стал глуше, каждое слово выходит изо рта вместе с зевком. – Земля тут сплошная глина. Весной здесь запросто не проехать. Слякоти по колено. Одна-а-ажды... кажись, вот прямо ту-у-ут... попал под ли-и-ивень... Грузовик был в грязи по самые стекла, весь такой красный... Русские остановили на границе, спрашивают: «Ты чего, с Марса упал?..»

«Да он мысли мои читает!» – только что ему подумалось: а есть ли жизнь на Марсе?; в такой долгой, утомительной дороге в голову лезет всякая чепуха.

Бессонница совсем сбила Булата с толку. Зажатая в пальцах сигарета сгорела до фильтра и погасла, а он и внимания не обратил. А сам-то упрямый ведь, с нором. Скажешь: «Булат, остановись на обочине, поспи чуток, дай глазам отдохнуть», не послушается, ни за что не подставится. Чтобы отогнать неотступно подступающую сонливость, изворачивается как только может: то высовывает голову из окна и подставляет морозному ветру, то проводит ладонью сверху вниз по лицу, будто хочет тем самым смахнуть сонливость, копошится в магнитофоне, меняет одну кассету на другую, убавляет и добавляет громкость... «Чешется, ерзает, желчь застаивается, язва у него в желудке, мучают газы в кишечнике...».

– Попробуй остановиться в подходящем месте, глотнем свежего воздуха, – не выдержал он наконец.

– Поблизости должна быть заправка, шеф, там и остановимся, и воздухом подышим, и баки заправим.

Только теперь он вспомнил, что ничего поесть в дорогу не взяли, в последний раз ели утром на российской стороне. Они нашли отличную придорожную столовую для рабочих. Съели на брата по тарелке наваристого борща, а на второе жареную рыбу. Вдобавок он познакомился там с красивой чувашкой, то есть как познакомился – переглянулись, перекинулись парой словечек, и все дела. Спросил ее имя, а та засмеялась, ответила: «Сэлла».

Сэлла! Он в жизни не встречал такую красавицу. Длинные золотистые волосы, бирюзовые, яблочно-зеленые глаза. Сквозь губы, взывающие к жарким поцелуям, проглядывали белоснежные жемчужные зубы. «Придорожные кафешки ломаются от таких красоток», – отчего-то ему вспомнились слова Петровича, и он пусть и с натяжкой, но оправдал отца; кто ж от такой вот откажется?..

– На обратном пути снова туда завернем, шеф, – Булат словно прочел его мысли! – Она от вас глаз отвести не могла. Я о Сэлле, шеф, только и делала, что глядела на вас. Знаете, что она сказала, глядя вам вслед, когда мы выходили? «Вот бы такого мужа».

«Вот бы такого мужа!» – да, он и сам запомнил эти слова.

Заправочный пункт состоял из двух старых колонок советских времен, по всей видимости, одна предназначалась для бензина, другая – для солярки. Сейчас на такие видавшие виды колонки можно наткнуться лишь в отдаленнейших точках бывшего Союза; водитель в лютый мороз должен сначала бегом подойти к окошку и заплатить за горючее, а потом, поеживаясь от холода, битый час держать «пистолет» дулом в бак. Булат подогнал грузовик к колонке с надписью «Д/Т», надел ушанку, захватил перчатки и кое-как открыл дверь, поддав плечом. Булат толкал наружу, а ветер вовнутрь. Да и сам он открыл дверь с огромным трудом. Ветер не давал даже сходить по малой нужде, – возникло ощущение, будто его держат за «сопло» и тянут что есть мочи, – толкал вперед шаг за шагом. Закончив дело, он сразу сполоснул руки и лицо снегом и, дрожа от холода, помчался в теплую кабину.

Булат припарковал машину таким образом, чтобы еле-еле тлеющий свет заправки освещал кабину.

«Да они все такие. Жрут водку, как очумелые, потом никак не разбудить. И никто не скажет: будь добр, вали домой и травись себе там, чёрт...», – Булат всё ругал и ругал «заправщика». Видимо, долго дожидался того на морозе. Но настроение у него было в порядке. От прежнего Булата, который всего полчаса тому назад изнывал от бессонницы, не осталось и следа. Его глаза радостно светились изнутри.

– Знали бы, что у меня с собой, шеф! – он аппетитно потер руки, просунул голову в спальную часть кабины, порылся и достал два набитых битком кулька. – Посмотрим, что «командир» положила нам в дорогу, – один за другим он начал разворачивать свертки и выкладывать содержимое на чистое полотенце: копченая колбаса, отварная картошка, соленья в маленькой банке, хлеб, соль... И, оппааа, – самое главное! – конечно же: бутылка русской водки!

– Добро пожаловать на мою родину, шеф! – он быстренько разлил водку в железные кружки и взглянул на него с блаженством на лице. – За ваше здоровье!

Выпили, и Булат тут же налил вторую. «Между первой и второй промежутки небольшой! – рябое лицо Булата светилось счастьем. – А эту выпьем за наше товарищество, шеф! Кто бы знал, что мне когда-то доведется стать с вами попутчиком. И где, где – в «КамАзе»! Вот увидите, шеф, всё будет шикарно».

Ни в одном дорогом ресторане мира не сыскать того смака, что на скатерти Булата; после горьких «ста грамм» посыпашешь солью холодную отварную картошку, а как отправишь в рот – слаще меда! Правда, картошка немного залежалась, чуток горчит, кожура склизкая, но, тем не менее. В таких обстоятельствах даже черствый хлеб сладок, как мед. И ни в одном элитном отеле мира не сыскать тех удобств и уюта, что в кабине Булата: мотор работает, внутри тепло, бензина полно, ветер свищет и рыщет снаружи, но внутрь пробраться не может... По мере того, как ветер раскачивает электрическую лампу на единственном фонарном столбе во дворе заправочного пункта, в кабине синхронно танцуют силуэты, будто находишься в каком-то ночном баре. Древняя казахская мелодия, ноющая на радиоволне, – тоже, по сути, голос вечных ветров, дующих где-то вдали...

Теплый воздух, что в полную силу вырабатывала «печка», плюс теплая истома от сорокаградусной водки постепенно вгоняли его в хмарь. Даже горький дым, который дующий во все стороны косою ветер загонял внутрь вместе с теплым воздухом, был бессилён предотвратить эту сладкую хмарь... Он увидел бездонное и безграничное озеро, без конца и без края. И, как назло, увидел себя утонувшим посреди озера. Стоит лютая зима, но в воде теплым-тепло, и странно – хоть он и утонул, но не задыхается. Может свободно дышать в толще воды, держа глаза открытыми. Если б не этот неведь откуда взявшийся треклятый дым, проедающий глаза! Постепенно в воде дым начал стеснять ему грудь, спирать дыхание. Он понял, этот дым совсем нехорош. А может, вовсе это и не дым, а облако внутри Проклятого озера! Эта мысль совсем испортила ему настроение. Откуда взялось и нашло его это злополучное облако! Он всё метался, шлепал руками-ногами по воде, но не мог избавиться от зловещего облака... Он проснулся, задыхаясь, и кое-как смог открыть дверцу грузовика...

Он стоял и жадно вбирал в легкие чистый, как лед, воздух...

«Истинному казаху полагается белый верблюд!» – он пришел к этому выводу, увидев местных «шумахеров», которые чуть ни свет вытворяли каскадерские трюки на узкой и скользкой дороге. По большей части старые драндулеты обгоняли «КамАз» в считанные секунды. Не успевал ты оглянуться, как и след их простывал. Одна из таких гонок чуть не завершилась аварией. Они остались лоб в лоб с автомобилем, выскочившим внезапно из-за другого встречного. От страха у него заныли яички. Хорошо хоть Булат глядел в оба, еле-еле смог увернуться от столкновения.

– Казахская рулетка! – гикнул он во всё горло.

«Только этих выходов не хватало!» – он упрекнул его в мыслях, но ничего говорить не стал; на такой безлюдной дороге говорить что-либо Булату всё равно смысла не имело. Да и в сложившейся ситуации сам Булат был чуть ли не «шефом». А когда тот оставил удобную, обкатанную бетонную дорогу и завернул на зимник, где еле помещалась одна машина, он и вовсе не нашелся, что сказать. Он онемел, застыл, как вкопанный. Как так можно – оставить ровную, гладкую дорогу и загнать тяжелый грузовик на бездорожье?!

– Я срезал путь, шеф, не переживай, даст Бог, вечером будем дома. – Он впервые перешел на «ты».

Зимник – как видно по названию, эта дорога может существовать только зимой: после того, как ударят сильные морозы и хорошенько схватят землю. Кривая-косая дорога, которую в преддверии зимы разгребают грейдер, в течение трех месяцев остается проезжей, потому, несмотря на свежесвыпавший снег, грузовики постепенно сами прокладывают себе путь, – колеса себе, рама себе, – поддон грузовика протирает и приводит середину дороги в такую форму, что колеса словно едут «по рельсам», – ни влево, ни вправо. На такой вот дороге можешь водить, даже выпустив из рук руль. Ведь колёсам соскакивать некуда. Заложил руки за голову и поддай газу!

Через каждый километр оставлены «карманы», чтобы пропускать встречный транспорт.

Грузовик с легкостью прорывался сквозь легкий снег, припорошивший дорогу после вечерней бури. Булату весь мир был ничем, он, знай, насвистывал себе песни. И время от времени лихо подмигивал ему в зеркале: «вот видишь, шеф, хорошо, что послушался меня...».

Осадок от удушливого ночного сна еще оставался в душе, а тут еще вся эта головная боль от «срезанного пути» Булата. Внутри него начался ожесточенный спор: «Татар тоже оставил прямой путь и двинулся наперерез... Ну, да, двинулся, и что... А то, что его на этот путь втянули, не по своей воле пошел... Видать, дотоле ему было отмерено... И тебе отмерен путь, вот сел на рельсы... Что за мнительность, ей-богу, в последнее время совсем сдал, из каждой мухи слона делаешь... Отец твой тоже ноги себе отрезал и покатил на инвалидной коляске... Надо было ему вовремя Богу душу отдать, отмучился бы... Баста, не тронь его...»

Единственная фотокарточка отца всегда в нагрудном кармане, он вынимает иногда исподтишка карточку и смотрит. Они беседуют. Делятся наболевшим. «Почему ты так поступил, отец?» – спрашивает он. А отец бедолага словно язык проглотил, смиренно смотрит ему в лицо. Часами... Ему захотелось снова достать фото и бросить тайком взгляд. Но, увидев в зеркале мрачную физиономию Булата, передумал и только теперь обратил внимание, что стекла грузовика покрыты снаружи льдом, как бы ни «рвали резину» дворники, они не могут очистить затвердевший снежный ком. Ноги ощущали холодный воздух. Мороз пробрался до самых пальцев внутри утепленных ботинок.

– Кручу баранку без малого тридцать лет, но такой херни не встречал. – Лицо Булата побагровело. – Ей-богу, будто по проклятой дороге едем. Почему падает температура воды, мотор-то ведь работает?

Ему хотелось сказать, притормози, спустишь и проверь масло, воду, посмотри, почему внутрь забирается холод, но он промолчал. Всё равно Булат был упёртый бык, – он даже отцу родному навстречу не пошел бы, – не стал бы слушаться советов.

Да и привирает он, что крутит баранку тридцать лет, не разбирается он в этих делах. Где машина сломается, там они и останутся.

– Наверно, выскочил воздушный шланг, – у Булата привычка привирать и выставлять себя всезнайкой, – главное, выбраться на трассу, шеф, как выберемся – откряю и всё исправлю, – после этих слов Булат со всей силы нажал на педаль газа, да так, что мотор взвыл и чуть не вырвался с места.

Булат, не переставая, оттирал тыльной частью ладони лобовое стекло грузовика, чтобы разглядеть лежащую впереди дорогу. Грузовик прорывался сквозь заснеженную дорогу, как танк...

Подлец из Элисты столкнул его в такой глубокий колодец, что выбраться оттуда дело не из легких. Откуда взялась и прицепилась к нему эта гнида, да еще и прихватив с собой такую же гниду? Ведь всё шло хорошо, он жил не тужил! Подлец дьявольским даром обладал – нравиться, входить в доверие. Он показался ему таким родным, таким близким, будто вмиг взял и нашел родного брата, по которому тосковал долгие годы. Взял и отвел к себе домой, – незнакомого, чужого человека, какого-то пройдоху, – накрыл тому стол, поставил водки... А тот красавец... Да-а-а, красавец сгреб всё припрятанное бабло! Дело даже не столько в деньгах, смог заработать один раз, не беда, сможет и во второй. Просто этот безбожник отнял у него всю веру. Уничтожил всю доброту и любовь к людям, которые только-только поселились в его сердце после детдомовских лет и испытаний.

«Тар-рах-тах-тах-тах...», – послышалось из моторного отсека.

Грузовик проехал еще несколько метров и остановился прямо посреди дороги.

– Приехали! – руки и ноги Булата стали ватными, а в дрогнувшем голосе слышалась горечь вперемешку с насмешкой. – Сдох мотор!

Как вскоре стало ясно, дорога с выпирающей срединной частью постепенно протерла маленький водный кран в поддоне машины, кран сломался, и вся вода радиатора вытекла к чертовой бабушке. Ни капельки воды в радиаторе не осталось. И всю дорогу Булат вёл без воды, развалил мотор на полную катушку...

«Тридцать лет он баранку крутит. Да пошел ты!»

И только сейчас, после того, как заглох мотор и полностью вырубилась приборка, зазвучал далекий отголосок древнего воя, и берущее за душу и холодное, как змеиный ужас, дыхание ветра, не выдававшего до сих пор своего присутствия, заполнило кабину. Каждая щель и прореха в кабине превратились в свисток.

Тяжелый грузовик покачивался как люлька.

У ветра был странный удушающий вой, – казалось, это воеет в зловещей ночи стая голодных шакалов. Это – ветер, с которым он хорошо знаком с детства; добрый ветер, расчесывающий шелковым дыханием необъятные поля с пшеничными колосьями, сгибающий их то в одну, то в другую сторону и ласкающий невидимой рукой; беспечный ветер, дующий, когда вздумается, и шатающийся до самого вечера по всем углам и закоулкам; наглый ветер, стучащийся в холодные зимние вечера в дверь и окна и готовый на всё, чтобы пробраться внутрь... А теперь ветер вздымал снежное крошево и гнал его перед собой; всё равно завтра он вернет на место то, что унес! «Ну, вернет, что с того? – он недавно взял за привычку говорить с самим собой. – Какая тебе разница? Может, и вовсе не вернет! Ты лучше своими проблемами займись. Подумай хотя бы о бедном Булате, которого ты замарал своим проклятием. Он-то в чем виноват? Скоро этот ветер, которого ты называешь ласковым, так вас заморозит, что даже тепло тысячи солнц не вернет вам ни искорки жизни!»

Лучи солнца, проглядывающего сквозь облака, кололи глаза словно льдинки, но тепла не давали. На небе висел лишь безжизненный оселок. Он даже усмехнулся про себя безразличию солнца, – это, кажется, было уже признаком безумия.

«Старик в ту ночь перед окном тоже напоминал безжизненную тень, – подумал он. – Казалось, он и не дышит совсем. Он проделал огромный путь в мороз, в снегу и буране, а тот даже рта не раскрыл. Ни словом с ним не обмолвился. Верно поступал Татар, да, – за человека его не держал. Хорошо и делал, значит, знал, за что. По всему его виду ясно, что этот Старик – ушлая сволочь, всё знает, да ничего не говорит. Сволочь, даже словом не обмолвился. Да к черту его слова, но зачем Старик ему приснился и так взбаламутил душу, что осадок до сих пор не улегся?..

А Булат бедолага в чем виноват?!

– Не горюй, шеф, развалился-то мотор, а не мир. Стоит ли из-за одного мотора такой вид на себя напускать? По моей вине развалился, я его и соберу...

Бесстыжий оптимизм Булата совсем выбил его из терпения. Ему захотелось заржать: какой к черту мотор, какая к черту вина, я тебе про лысого, а ты мне про седого! Дай уж спокойно помереть. Но тут он увидел, что Булат перешел в настоящее наступление и сдаваться не собирается. Он надел теплую куртку и вышел из кабины, осмотрелся, обошел грузовик, прошелся пинком по всем колесам, проверяя, не спустил ли воздух (будто воздух в колесах имел какое-то отношение к развалившемуся мотору), затем стряхнул с себя снег, спокойно и уверенно – будто вовсе не они застряли тут в мороз и бурю посреди степи – поднялся в кабину, достал из грузового отсека кипу теплой одежды и бросил между сиденьями.

– Новехонькие, шеф, – бросил он теплую униформу ему на руки, – выдали, когда я еще с нефтяниками работал, ни разу не надевал. Так и держал при себе, в такие моменты пригодиться может. – Булат бросил ему под ноги пару новых валенок: – Давай, снимай ботинки, цепляй вот эти.

А сам поверх комбинезона натянул до самых колен унты из оленьей кожи, крепко обвязал горло и шею теплым шарфом, надел бушлат, шапку, перчатки и полностью укомплектовался.

– Рядом должна быть деревня, – сказал он, – пойду поищу какой-нибудь трактор. Вдвоем идти нельзя, с твоими ногами далеко не уйдем. Я сам чего-нибудь отыщу и привезу, не переживай. Но, смотри, на одном месте не засиживайся, двигайся. Движение, движение, движение! Сам знаешь, мороз шутить не любит. Вдруг да сморит тебя сон, потом иди отвечай Вере Васильевне.

Вера Васильевна типа его мать. В городе, где он живет, никто не знает, что он «детдомовский». Все знают его как человека, у которого крепкие тылы. Многие даже завидуют его судьбе; думают, он из состоятельной и уважаемой семьи. Муж его сестры типа руководит большой страховой компанией; а не то как в одиночку он мог бы открыть это «Наско». Раз в неделю он получает целый грузовик курятины. Откуда получает? Знамо дело...

– В заднем контейнере есть запасные колеса, – наставлял Булат на прощание, – станешь замерзать – доставай и жги по одному. За час-два я вернусь.

Он уже столько лет на севере, из них два проработал в нефтяном секторе, знаком с морозом не понаслышке, понимает, насколько опасно в мороз остаться вот так посреди безлюдья. Немало его знакомых изувечил мороз: один потерял нос, другой уши, третий ноги... И многие по незнанке. Достаточно поддаться, сбавить обороты, прикорнуть чуток в мороз – пиши пропало! До свидания, мои ноги 42-го размера! Это

еще если повезет. А если нет, то станешь одним из тех несчастных, которых находят весной, когда тает снег, – почва на севере избавляется от семимесячного снежного ига к середине мая, только тогда к ней возвращается ее природный болотный цвет...

У сурового севера свои неписанные законы. Но есть и записанные. К примеру, когда на севере берут на работу шофера, тот наряду с другими профессиональными обязательствами должен непременно подписаться под следующим пунктом: «Если в суровую морозную погоду увидишь снаружи беспомощного человека, то независимо от того, кто он, ты должен в обязательном порядке притормозить и посадить его в машину. Если машина сломалась и ты остался на дороге, ты должен сжечь всё, начиная от запасных частей вплоть до всего, что поддается горению, и спасти себя (и пассажиров) от обморожения...».

Он швырнул колеса из контейнера на снег, потерявшими чувствительность пальцами открыл бак и достал через шланг бензина. Руки были, как бревно, даже спичек удержать не могли, он подержал их под мышкой, засунул в рот, покашлял-подышал, в конце концов удалось поджечь колесо. Как только колесо загорелось, плотная черная сажа резины распространилась по всей окрестности. Ветер разгонял постепенно дым, и языки пламени, отливающие то зеленым, то красным, то темно-синим, начали свою трепетную игру, – игривый ветер нашел себе новую забаву.

Дым и сажа были ему нипочем, и нипочем была шуба с воротом из редкого меха, купленная в прошлом году в эту же пору, он чуть ли не по уши ушел в жар костра. Он думал, если Булат не подспеет или не вернется вовсе, – он утешал себя тем, что если «предвидение» Старика верно и его песенка уже спета, то хотя бы Булату удастся сбежать и спастись, – на какое время ему хватит запаса колес. Вот две, еще десять, на которых стоит грузовик, да и то, если ему удастся отвинтить их, всего получается двенадцать. На сколько дней или часов смогут продлить ему жизнь эти двенадцать колес?

Если Булат не вернется и тем временем он сожжет все колеса, то остается одно – спалить грузовик. Сначала разберет и сожжет сиденья, достанет из кабины всё, что может гореть, и побросает в пламя. А в конце, если больше ничего не отыщет, польет соляркой грузовик, подожжет и сам бросится в пламя...

Он думал, что лучше: умереть в огне или от обморожения?

И пришел к мнению, что в сложившейся ситуации умереть в огне лучше.

По мере того, как его обдавало тепло костра, вероломный сон мало-помалу склонял его голову на грудь. Тяжелели веки, и голова безвольно повисла вниз... Во сне он снова увидел бездонное, безбрежное озеро, внутри которого горит огромный костер. И не просто огромный, а гигантский, – достигающий высотой сосны! Странно, но он не видел ничего удивительного в том, что костер горит в воде, наоборот, он стоял и с наслаждением наблюдал, как потрескивает костер. Плохо было то, что тепло и пламя костра стали постепенно убывать. Он почувствовал, как руки и ноги начинают замерзать, как от мороза немеют пальцы. А дым от костра не таял на открытом воздухе, растворяясь в небесах, нет, он скапливался внутри воды, превращаясь в ужасное облако... Он понял, что от этого облака веет угрозой. Испугался: а вдруг это то самое облако внутри Проклятого озера; запаниковал. Начал задыхаться. Стал делать резкие движения конечностями, пытаясь избавиться от этой тесноты, но руки его не слушались, а ноги отяжелели, как пудовые гири. Но ужаснее всего было то, что Старик видел его безмолвный вопль в воде, его метания, но не шевелился, – он стоял всего в шаге от него, мог протянуть руку и легко его вытащить, – стоял спо-

койно и смотрел на его борьбу за жизнь. Его стенания никак не трогали Старика. Но нет... вдруг он увидел, что слезы Старика льются рекой; Старик горько рыдает, хотя Проклятое озеро омывает его слезы и не выдает их.

«Деда, зачем ты даешь мне утонуть?! – он изумился тому, что называет Старика «дедушкой». – «У меня ведь, кроме тебя, никого нет. Почему ты меня не спасаешь?!»

Старик стоял, устремив на него холодные, как у крокодила, ничего не выражающие глаза...

– Давай вставай, вставай, поднимайся... Давай-ка вставай, ёб ты... Ты ж совсем замерз! Вставай, садись вот здесь, вот молодец, вот сядь-ка здесь. Ноги вытяни поудобнее, не бойся, вот та-а-ак. Давай накину на тебя шубу, вот, теперь ложись поудобней...

Это был худой, хилый мужчина, утопающий в щетине. На его голове красовалась облезлая ушанка из кроличьего меха, одет он был в стеганный ватник, – такие заляпаные маслом и мазутом ватники обычно носят трактористы. – Поначалу ему показалось, что это Старик пришел ему на помощь. Затем он понял, что это совсем другой человек, которого он не знает. От него несло перегаром – жутким сивушным запахом. С уголка губ свисала потухшая папироса без фильтра. Через каждое слово он вставлял мат. Он приехал на санях, в которые была впряжена лошадь. Набитые сухой соломой сани были устланы ветхим тряпьем, паласами, шкурами. Тулуп на нем был таким толстым, что даже семидесятиградусный мороз его не напугал бы, и вдобавок таким широким, что в него влезла бы дюжина таких же мужичков.

Потом они каждый раз будут смеяться за столом, вспоминая его полубессознательно сказанные слова в тот момент, когда сани тронулись в путь: «А грузовик не увозим?»

– Давай-ка сначала я сдам тебя живым-здоровым твоему другу, он волнуется, дома на иголках сидит, а потом и грузовик увезем на лошадке, – мужичок от души рассмеялся, и когда он рассмеялся, его и без того узкие глаза пропали на лице. – Разнесли мотор в клочья, погубили грузовик. Да разве умный человек станет доверять такого красавца казаху? Откуда казаху знать, что такое «КамАЗ»? Казаху табун подавай, и пускай себе пасёт, – он снова рассмеялся. – Не бойся, тут никто машину не тронет. Поехали, завтра привезем грейдер и спокойно увезем твой грузовик...

Остальное он уже не помнил, происходящее вокруг он воспринимал смутно, как во сне. Длинный, как туннель, путь, повсюду белым-бело, они соскальзывали то на один, то на другой склон туннеля. Куда они ехали?! Ведь это не его путь. А чей же?! Кто его спаситель? Его благодетель?! Он пытался приподнять голову и разглядеть лицо сидящего рядом человека, не получалось; от макушек до пят, до самых ресниц человека покрывал снег. Снег выбивался из-под копыт и живота лошади, резко бил в сани и держал их обоих вместе с санями в своей хватке; и небо, и земля окутались в белый туман. Улавливались лишь очертания лошади, да и то слабо, сквозь пелену. Да еще слышалось ее фырканье и сопенье. Он не мог сконцентрироваться и понять, бежит ли вообще лошадь или не сдвинулась с места. Но сам-то он!.. Сам он летел, – ногами вперед, скользил, охваченный восторгом, словно в детстве, когда катился в салазках вниз по склону, – не ощущая никакой тяжести, легкий, как птица! Он ощущал такую легкость, будто парил над мягкими облаками; погоняющие друг друга радостные облака, включив его в свои ряды, уносили всё дальше и дальше...

«Он же совсем замерз. Скорей снимай с него одежду, чего уставился, как баран на новые ворота. Укладывайте возле печи. Погоди, не так, дай хоть матрас постелю... Слишком близко не подноси, сразу обдавать жаром нельзя. Неси сюда свою водку, надо помассировать ему руки-ноги... Уши не трожь, побелели, могут отпасть...», – до его слуха доносились сбивчивые голоса. Голос Булата тоже вплетался в этот нестройный хор. Больше других усердствовала какая-то женщина. Он окончательно растерялся: где он сейчас, что происходит, почему люди переполошились?...

...Его пробрал до самого нутра запах мясной пищи. Он почувствовал, как сильно проголодался, как сосет под ложечкой; голодный желудок молил о пище. Он лежал под теплым одеялом, глотая слюну. Что за аппетитный запах, что за вкуснятина! Где же он находился?! Какая удобная постель! Он уже и не помнит, когда спал так глубоко и сладко!; все члены тела отдохнули, расслабились. Он проснулся новорожденным. Там и сям слегка зудела кожа, будто по ней ползал муравей.

– Уже полдень, шеф, просыпайся. Только погляди, что нам приготовила тётушка Сулуджан! Бешбармак! М-м-м-м... Пальчики оближешь! – бодрый и радостный голос Булата поднял ему настроение, придал еще большей свежести. – Такой бешбармак готовят только наши мамы! Вставай, шеф, вставай, хватит лениться. Мы с Айрат-акя отправились спозаранку в соседний поселок и отыскивали моториста, договорились о теплом боксе, куда можно загнать грузовик. Скоро и за грузовиком сходим, вставай...

Он открыл глаза и ошалело уставился на Булата. Что это за место? Кто такая тётушка Сулуджан? Да еще Айрат-акя в придачу?! Булат долгие годы шоферил в его фирме, но он его покамест не узнал и не оценил. Какой же Булат хороший человек...

– Вставай-ка, давай, – Булат напустил на себя шутливый вид и на сей раз сдержал с него одеяло, – люди нас дожидаются, вставай, неудобно ведь.

Уже рассвело, но электрическая лампочка над его головой всё еще тускло горела. Двойные стекла на окне покрылись снаружи льдом и потому почти не пропускали солнечных лучей. Неровная штукатурка небольшой комнаты была побелена известкой, а земляной пол во всю ширь выстлан коврами и паласами. Кровать, на которой он спал, была единственным предметом мебели в этой комнате, – Булату постелили на полу.

На толстом матрасе, под теплым одеялом он чувствовал себя чуть ли не принцем. Надо быть дураком, чтобы вылезать из такой вот постели! Он всегда тосковал по такому удобному, простому, без всяких изысков дому. «Бедняк многого лишен, но подушка у него всегда мягкая и удобная, – он перевернул подушку и снова положил лицо на прохладную сторону. – Господи Боже, да тут пахнет самим раем».

Из соседней комнаты доносились отзвуки беседы. Это были те же самые люди, но в их голосах не осталось ни нотки от ночной напряженности. Мужчина с хриплым в результате многолетнего употребления спиртного и табака голосом рассказывал какую-то историю, – он прислушался и догадался, что, кажется, речь идет о нем, – а слушатели прыскали смехом.

Он изумился тому, как быстро Булат нашел общий язык с этой семьей.

Тётя Сулуджан была дородной, плечистой женщиной лет сорока пяти-пятидесяти. Такие властные, крепко сбитые женщины обычно встречаются в столовых, кафе; крепкие, как орешек, подвижные, как кошка, праздничные, как пасхальное яйцо...

Его всегда приятно удивляли сила и темперамент, живущие в таких вот женщинах.

Она легко поставила на печку ведро воды вперемешку со снегом, затем добавила в холодную воду горячей и получила теплую, так же легко подняла полные ведра и поставила их у ног мужчины, стоящего на пороге.

– Теплая, залей в умывальник, пускай ребята умоются.

Он только теперь заметил тихого, худосочного мужичка, который всё это время с интересом наблюдал за ним. Если это Айрат-акя, значит, это и есть его спаситель.

– Поручи своим друзьям-алкашам, пусть уже готовят мясо на убой. Мясо должно вовремя заморозиться и принять должный вид. Я сама всех обзвоню и сообщу. К соседним деревням обращаться не надо, здесь у каждого в сарае битком скота, – на сей раз тетя Сулуджан обратилась к нему: – Не переживай, сынок, тетя организует для тебя сколько надо мяса.

«Как скоро Булат доложил, что они приехали за мясом!» – обомлел он.

День начался намного радостнее, чем он того ожидал.

– Если захочешь в ту сторону, не стесняйся, скажи, – стесняющимся тоном молвил Айрат-акя, наполнив чугунную афтафу теплой водой, как только он вышел во двор.

Под «той стороной», естественно, подразумевался туалет.

Ходить в деревне в туалет было для него самым ужасным и ненавистным делом. Отслужил он на севере, хорошо знает, каково в двадцатиградусный мороз ходить по нужде в туалет, находящийся снаружи жилого строения. Все причиндалы можно отморозить. Он так с тех пор напуган, что, отправляясь в незнакомое место – и особенно в деревню (и тем более в мороз), – не может себе места найти, все мысли вертятся вокруг туалета; снаружи тот или внутри? Тепло там или холодно?..

Начавшаяся вечером буря всё еще не улеглась. Снег, принесенный ветром за всю долгую зиму, образовал во дворе такую горку, что снежного холма подобной высоты он и представить не мог. Кое-где из-за снега еле-еле виднелись верхушки деревьев. Тропинки расчищались почти каждый день, и потому во дворе образовались гигантские туннели с открытым верхом. Одна из тропинок вела в длинный сарай, расположенный в конце двора, а другая, более тесная тропинка – в баню, находившуюся напротив дома. Была еще одна сравнительно широкая тропинка к воротам. У ворот под снегом в углу были свалены в кучу какие-то железки, прицепы, плуги – детали трактора. Первое впечатление его не подвело – здесь проживал тракторист.

– Шеф, цепляй резиновые сапоги и ступай за мной, я тебе такой туалет покажу, какого ты в жизни не видал, – прихватив афтафу, Булат отчего-то пошел в сторону сарая.

Да, сарай был длинным, но в то же время невероятно узким, вдобавок ко всему он был поделен надвое деревянной перегородкой: место для скота прямо у входа было до предела тесным и забитым. Место по ту сторону перегородки предназначалось для сена, набитый на зиму битком сеновал под конец зимы был израсходован наполовину и потому освободилось большое пространство. Резкий запах сарая, выедающий глаза, ближе к сеновалу стал терпимее; сухая солома сберегла в себе ширь и свет степей, чистый запах жнивья. Почему Булат привел его сюда? Или туалет внутри сарая?! Они прошли мимо коней, коров, загнанных в изгородь овец, и остановились в полутемном месте.

– Изволь, шеф, весь сарай в твоём распоряжении, садись, где хочешь, делай свои дела. – Надо было видеть бесстыжее, дьявольское выражение лица этой сволочи в тот момент! – Здесь тепло, уютно. Ни о чём другом не переживай, они всё выгребают вместе с навозом скота. Я выхожу, а коров не стесняйся, они смотреть не будут...

Эта «шутка» Булата поначалу покорила его, задела за живое, – ведь должна быть разница между ним и коровой, гадящей где попало, – но он тут же подумал, что человек сам всё усложняет в жизни; по сути же всё намного проще и удобней.

Увидев свое отражение в зеркале над умывальником, он испугался; всё лицо перепачкано сажей, под глазами свисают мешки.

– Пока вот умойтесь слегка теплой водичкой, скоро всё равно растоплю баньку, – раздался радостный голос Айрат-акя.

Как только он зашел в дом, тетя Сулуджан принесла и поставила на стол огромное блюдо с горячей едой, от которой шел пар. После дала каждому большой стакан айрана, – потом он понял, что это был кумыс, – и вдобавок по пиале горячего бульона.

– Ешьте, ребята. Мясо ешьте, хлеб ешьте.

Крупные жирные куски на мучной лепешке, сладкий запах мяса совсем свел его с ума, – мясо так хорошо отварилось, что само отделялось от костей – но он выжидал, чтобы кто-нибудь начал первым, и он увидел, как надо есть это блюдо; он впервые видел бешбармак, не знал, с какой стороны подступиться к блюду. На столе не было ни ложек, ни вилок. Как только Булат занял свое место, он собрал пальцами в комочек тонкую лепешку, обмакнул в луковый соус и ловко отправил в рот.

– Вот как надо есть бешбармак, – Булат поднял вверх руки, и по пальцам стекал жирный соус. – Руками! Недаром ведь он зовется «бешбармак».

«Руками!» – его невольно передернуло.

– Вот я бестолковая, как же не додумалась-то, – тетя Сулуджан в спешке принесла вилку, нож, тарелку, сама положила ему еды.

– Это еще цветочки, раньше у нас бешбармак ногами ели, – этот Айрат-акя тот еще шутник. – Теперь типа культурными стали, руками едим.

– Хватит ерунду молоть, доходяга...

– Да ладно тебе, я же просто шучу. Какая, господи, разница, хоть жопой ешь. Главное, непременно вот с этим, – Айрат-акя опустил на стол словно тяжелый кулак литровую бутылку водки. – Сам гнал, шеф, 76 градусов тут! – Обращение «шеф» все домочадцы переняли от Булата.

– Утро только настало, а ты опять со своей отравой. Сначала хоть грузовик бы привезли, а потом...

– Тебе бы, маманя, сначала гостя приветить, – казалось, Айрат-акя нашел очередной повод для выпивки. – О машине не переживай, если придется, я ее привезу даже на лошади.

После этих слов все рассмеялись.

– Ты после ста грамм даже на себе можешь привезти, знаю, – вытирая руки о фартук, тетя Сулуджан с азартом подошла к столу. – Добрый гость всегда в пору, что еще могу сказать, милости просим, всегда будем рады.

– Ты о машине совсем не переживай, маманя, я сказал Жоре привезти грейдер, вот сходим и приволочем эту махину, – Айрат-акя взял граненый стакан, сказал «ал-давай», в один глоток опорожнил водку и даже не поморщился. Будто пил не спирт, а воду.

После вчерашних дел было бы грешно не выпить. Последовав примеру Айрат-акя, он тоже сказал «алдавай», взял стакан, влил содержимое в горло и чуть не задохнулся. Пересохло во рту, водка прошла по внутренностям точно наждачной бумагой. Опешив, вместо кумыса он взял бульон, чтобы запить горечь. Как назло, бульон оказался горячим и во второй раз обжег ему весь рот, горло, кишки, да так, что из глаз выступили слезы.

– Ты хоть разбавил бы гадость эту! – тетья Сулуджан влепила сильную затрепину взрослому мужчине. – На него посмотри, смеется еще наглым образом!

Айрат-акя не подал виду, но порядком сконфузился. Он молча встал и отправился за водой.

– Как только зима – они хватаются за водку. И стар, и млад. Ни одного трезвого не найти, – тетья Сулуджан будто бы оправдывалась перед гостями. – А еще мужиками себя называют, бессовестные. Вы с ними особо не водитесь, все как один – алкаши. Ни работы, ни заботы, до самой ночи только бухают. А как выпьют, всё умишко и теряют...

Поначалу ему пришлось не по душе такое грубое отношение друг к другу этих простых людей, готовых поделиться с гостем последним куском хлеба, лишь бы тот остался доволен, – особенно ему претило верховодство жены над мужем, – но немного спустя он понял, что все их шутки, колкости и рукоприкладство мимолетны, без обид, теплы, как летний дождик. Постепенно он и сам вошел во вкус, – Булат всё равно чувствовал себя, как рыба в воде, – и тоже начал шутить. Шутил, смеялся, словно был знаком с этими людьми целую вечность. Но да будет проклят дьявол за дьявольские наущения: ни с того ни с сего он задался вопросом: почему у таких дородных крупных женщин мужья в обязательном порядке должны быть худыми, хилыми? Наверное, жены время от времени превращают мужей в выжатый лимон, вот почему. Он всё старался отогнать эти неблагоприятные и неблагодарные мысли о столь добрых и скромных людях, но никак не получалось. Будь проклят дьявол! «Интересно, тетья Сулуджан в постели тоже верховодит?» – он мысленно раздел Айрат-акя и тетю Сулуджан, уложил их рядом голышом и еле удержался от смеха. «У невысоких мужчин член большим бывает, – вспомнились ему слова крепко сбитой женщины, прохаживающейся с половником в руках в забитой мужиками рабочей столовой и содрогающейся от хохота. – Размер значения не имеет, главное, чтоб аппарат был в рабочем состоянии». Надо было как-нибудь отвлечься и спастись от этих позорных мыслей. Но как? Обеденный стол примыкал к окну, он сконцентрировал всё внимание на вое ветра снаружи и собрался подумать о чем-то другом.

– Шо вы тут без меня нах..!

Шумное появление грейдериста избавило его от великого позора. Еще немного, и он прыснул бы в кулак.

Грейдерист приходился тете Сулуджан родным братом, войдя внутрь, он тут же снял шапку и бушлат, швырнул их в угол, быстренько наполнил стакан, держа его в руках наготове:

– Какие люди в Голливуде! Давайте знакомиться нах.. Меня зовут Жайдарбек. Можете звать Жайдаром или Жорой. Но легче Жорой, тут все меня так зовут, – он поздоровался за руку с гостями и обратился к сестре: – Сестричка, тут мне не перечь, гости сегодня мои, не обижайся. Пусть тут закруглятся – идем ко мне. Я для них такую баньку растопил! Сама знаешь, каков я по этой части, с самого утра старался, только сейчас закончил. Отличный куырдак зажарил, из свежей говяжьей печени...

– Какая еще баня, какой еще куырдак! Ты чё, совсем спятил?! Ступайте за грузовиком! – тетя Сулуджан вышла из себя. – Машина уже сутки стоит в поле беспризорная, а вы только думаете, как нажраться. Чтоб вам самим шипеть на огне, как куырдак...

– Ну что нас проклинаешь, сестричка, идти туда в такой снег смысла не имеет, – Жора тоже произнес «алдавай» и выпил водку без всякой закуски, вытер рот рукавом и смешно отвесил поклон сестре.

– Сейчас только водку пить, да? Башка деревянная. Ей-богу, Жора – обжора. Во всем виновата твоя жена, мозги у ней куриные, каждую выходку твою терпит...

Дом Жоры находился на том конце деревни.

Жора оказался настоящим знатоком и мастером по части бани. Банный процесс купания являлся для него целым ритуалом. Раздевалка была битком набита всевозможными вениками, сотней баночек с маслами и медом для массажа. Следующее после раздевалки помещение предназначалось особо для еды и возлияний. Это было удобное, уютное местечко: там искупался, здесь выпил и закусил. Куырдак оказался вкуснейшей едой – жаркое из внутренностей и картошки. Жора принес и поставил еду прямо в сковородке. Еще он принес копченой конины, тарелку квашеной капусты и снова литр «самогона», – водка из магазина стоила дорого, видимо, каждый гнал «самогон» у себя дома.

Сначала он уложил перед собой его, затем Булата, и хорошенько помассировал, каждого без малого час, затем прошелся можжевельным веником и размял напряженные мышцы. «Можжевельник сразу снимает простуду, то, что как раз вам и надо, вы простудились в пути. Можжевельная смола – крутая вещь, достаточно оставить на полчаса в кипятке, чтоб смягчилась, и всё, все нервы как рукой снимает. Но и тут знатоком надо быть, не каждый может изготовить можжевельный веник...», – он с таким азартом прошелся по ним веником, что всё выпитое и съеденное ушло вместе с потом и водой. Да так, будто вовсе и не они умяли целое корыто приготовленного тетей Сулуджан бешбармака с литром водки. Выйдя из жаркой бани, красные, распаренные, они набросились на жирный куырдак, выпили по сто с возгласом «алдавай» и снова забежали внутрь.

Баня трещала по швам от их громких голосов, распевających песни:

*«Ой, мороз, мороз, не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня...»*

*«Хоть женат, хоть холостяк,
Веник, водка, и ништяк...»*

Один Бог знает, как они вернулись ночью по дороге в тридцать домов: ползком, валясь с ног, крича и горланя...

*«Хоть казах, хоть сибиряк,
Веник, водка, и ништяк...
Баня — это не пустяк!..»*

*«А КамАЗ-то мы забыли.
Завтра вспомним, люди скажут...»*

Он проснулся от грохота трактора. Стало известно, что Айрат-акя с Жорой отравились спозаранку за «КамАЗом», загнали его в бокс и вернулись обратно.

Вечерняя попойка отзывалась режью в животе. Он чувствовал себя отвратительно. В носу все еще стоял запах можжевельника, отмоченного в кипятке и дешевого самогона, отдающего горелой резиной. От самого желудка до горла стояла мерзкая кислятина, он не переставал покрываться холодным липким потом. Выйдя во двор, он тут же отошел в укромное местечко подальше от глаз, засунул два пальца в рот и выbleвал чуть ли не все кишки. Умылся снегом и пришел немного в себя, успокоился.

Когда он вошел внутрь и увидел на столе «литровку», ему опять стало плохо.

– Шеф, выпей всего сто грамм, – Айрат-акя уже налил в стаканы, – похмелье снимет как рукой. Если не выпьешь, до самого вечера будешь ходить смурной.

Голова трещала от боли, внутренности распирали, но, стиснув зубы, – другого выхода не имелось, – он отправился на тот свет, заставил себя глотнуть водки. И как выпил, прав был Булат, в глазах стало светло, жизнь показалась ему расчудесной.

Вторая стопка пошла, как по маслу.

Тетя Сулуджан тоже была в приподнятом настроении. Она расстелила белоснежную скатерть, принесла всё, чем была богата: масло, сыр, яйца, сливки...

Они сказали «алдавай» и выпили без всякого тоста.

Тетя Сулуджан ластилась к брату и мужу за то, что утром они привезли машину.

– А это принесла твоя мадемуазель-жена, – сказала она Жоре и поставила на стол огромную чашу со сливками. – Встала утром, проделала огромный путь, дай, говорит, это ребятам, пускай покушают. Я ей говорю, сестра, у нас самих масла и сливок хоть отбавляй, вся посуда уже ими полна, девать некуда. Нет, говорит, как упертая, дай, говорит, пускай едят. Что ей, бедной, делать, столько времени уже сидит в четырех стенах, не знает, куда деваться. После того, как ушла Айсулу, совсем она голову потеряла. Как увидит кого – сразу готова последним поделиться. Я так ее упрашивала, но она даже за порог не ступила...

Он обратил внимание, что всё на столе домашнее. Магазинного ничего нет. Обычные рис, макароны, чай, конфеты считались здесь редкими и ценными продуктами.

– У вас в деревне нет магазина? – и самому ему вопрос показался неуместным.

– Есть, но лучше бы его не было, – ответила тетя Сулуджан. – Какой в этой дыре может быть магазин. Кроме водки, там ничего и не продается. У черта на куличках живем. А если еще ветер слегка подует, пиши пропало, все дороги заметает, отрезает от остального мира, да так, что рухни этот мир – мы и не услышим.

– Если нам чего-нибудь надо, едем в центр, – сказал Жора. – Магазин, лекарства, покупки... Недалеко отсюда, на лошади минут сорок-сорок пять.

Ему надо было обменять деньги. У них не было возможности их обменять с тех пор, как они въехали в Казахстан. Деньги у него были в рублях, но нужны была казахская валюта на ежедневные расходы, для оплаты труда мастера. Вдобавок надо позвонить Саше. Они с Савченко расстались всего дня четыре назад, а казалось, целую вечность.

– Мне надо домой позвонить, – сказал он.

Они решили, что Булат с Айрат-акя пойдут к машине, – там должен кто-то находиться, когда заработает мотор, – а в райцентр он отправится вдвоем с Жорой.

Так всё и вышло. Айрат-акя с Булатом сели на трактор Жоры и поехали в поселок, а Жора вывел из сарая коня Айрат-акя. Тетя Сулуджан за считанные минуты устлала повозку паласами словно свадебную машину. Они тепло оделись, пропустили на всякий случай по стопке и пустились в путь. По сравнению с прошедшими днями ветер немного поутих, да и дорога оказалась недалёкой, Жора всю дорогу шутил и смеялся – они и не заметили, как доехали.

Райцентр оказался гораздо меньше, чем он ожидал. Две главные улицы, всего один светофор. Сперва он зашел на почту и позвонил Савченко. Телефон звонил и звонил, но трубку никто не снял. Потом Жора покотил в какое-то местечко, напоминающее базар, чтобы обменять деньги. У входа стояла группа маклеров, они-то и занимались этим делом. Они прибрали все казахские тенге, что имелись на руках, но он сумел обменять лишь половину денег, – русский рубль имел тут настоящий почет и уважение! Увидев целый чемодан обменных денег, Жора не на шутку перепугался: «Тут полно воруя, давай скорей закругляйся и погнажи обратно...».

Цены по сравнению с российскими тоже были довольно низкими. Они скупили целыми ящиками всё, что нужно было для дома, нагрузили до отвала повозку, – у продавщицы глаза на лоб полезли. Не забыли и про водку, взяли два ящика чистой заводской. «Ну да, бухают целыми днями, пусть хоть заводскую пьют», – подумал он. Этикетка с названием на бутылках немало его удивила: «Царь Эдип». «Какой умник до этого додумался, это ведь трагедия...».

У Жоры тоже были кое-какие домашние поручения, закончив с делами, они еще раз наведались на почту. На сей раз ему повезло – Саша оказался дома. Но лучше бы этого не случилось; Савченко, как обычно, рассказал ему кучу всего непонятного. По его словам выходило, что обнаружить воришку удалось, но деньги еще не нашлись: «Вся братва Элисты поднялась, услышав имя Татара. Этого козла нашли за день и бросили в подвал. Как цыкнули – тот сразу и раскололся. Заказчик, знакомый с тобой человек, – лучше бы он этого не говорил. – У его сына карточный долг имелся, вот и отправил к тебе за подмогой. А ты, мил человек, взял да отвел его к себе... – а теперь иди пойми, что сказал Савченко. – Ну ничего, раз заявлено имя Татара, не переживай, деньги твои найдутся, обязательно найдутся. Ты лучше мне завтра еще раз звякни, к тому времени ситуация прояснится...».

Жора не знал, о чем речь, но уловил, что дело серьезное, – на всем обратном пути они не перекинулись и словом.

Чувствовал он себя паршиво.

«Жил себе спокойно, – думал он, – зачем надо было снова грязью мараться? Грязью, гноем, дерьмом. К черту эту Элисту и все эти деньги. «Знакомый с тобой человек». Да ну! Кто ж этот человек? Почему тогда он не знаком с тем, кто знаком с ним? Да катись оно к чертям собачьим. Ничего ему больше не надо. Ни дом, ни работа, ни друзья, ни деньги. Абсолютно ничего! Была б его воля, так и завалился бы здесь. Просто, без всяких пышностей, удобно и спокойно... И никуда отсюда ни ногой. Плюнет на всё – на прошлое, будущее – на всё! Разве осталось у него что-то в прошлом? Ни хера. Всё свое богатство он не променяет на единый волос с головы тети Сулуджан и Айрат-акя. Сулуджан станет ему названной матерью. Да у них, бедных, ведь тоже никого нет. Никого. Муж да жена. Да еще дочка, и то она, по их же словам, замужем за каким-то забулдыгой...».

Когда мотор пришел в порядок, выяснилось, что нужен новый «ремкомплект», который вряд ли тут найдется. Искать надо в самом Атбасаре, да и то если отыщешь.

– У меня там дяди живут... – тут же откликнулся Булат.

– Надо позвонить зятю, он в этих делах хорошо разбирается, пускай купит и привезет.

– Ради Бога, не зовите сюда этого мерзавца, – вставила тетя Сулуджан, как только Жора заикнулся о проблеме. – Стоит только имя его услышать, как я выхожу из себя. Мерзавец поганый испоганил такого ребенка. Такого ангела, как Айсулу. Как можно было выдать ее за такого гада! Как вспомню, закипаю от злости. Я во всем виновата...

– Ладно, делать-то что будем? – вскипел на сей раз Жора. – Ты скажи – мы сделаем.

– Пусть Айсулу сама принесет! Позвоните, пускай купит и передаст ей, она не ребенок, пускай принесет. Сто лет не видела родимую, так стосковалась.

– Мы же сегодня были в районе, знали бы – позвонили, откуда знать.

– Сам завтра схожу, – сказал Айрат-акя. – Сходим с Булатом.

– Да, сходим... – радостно согласился Булат.

– Делайте, что хотите, только избавьте меня от честного народа. С самого утра телефон звонит, не переставая. Тот звонит, этот звонит, спрашивают, куда и когда привезти мясо. Да мне-то откуда знать. Как будто тут мясокомбинат, а я его директорша! – тетя Сулуджан зашлась в хохоте от собственных слов. – Слышите, мне, бедной, еще взятки предлагают. Что хочешь, говорят, дадим, лишь бы забрали у нас мясо. Ей-богу, люди по дюжине коров забили.

– Таким ходом нам места не хватит для всего этого мяса. – Айрат-акя придал лицу деловой вид.

– Ничего, остаток оставим на следующий рейс. – Все рассмеялись словам Булата.

В тот день их позвали в гости сразу в несколько домов, даже упрашивать пришли, но тетя Сулуджан оставалась непреклонной: «Сидите дома, ешьте, что Бог послал, отдыхайте, нечего слоняться по чужим дворам».

Утром Айрат-акя и Булат собрались в райцентр, тетя Сулуджан еще раз крепко-накрепко поручила им, чтоб Айсулу приходила сама. Полушутя-полусерьезно она добавила: «Пусть только попробует не прийти, сама отправлюсь за ней и приволоку за волосы».

Он не выдержал, дал номер Савченко Булату, – всё равно ведь они собирались зайти на почту – чтоб тот позвонил и узнал, как обстоят там дела в Элисте.

Как назло, и Жору в тот день позвали на работу. После нескольких дней непрестанной бури погода установилась сравнительно спокойная, и всю районную технику привлекли для расчистки бетонной дороги.

– Я на пару дней, шеф. Как раз вы к тому времени закончите тут с делами, а я расчищу вашу дорогу и вернусь обратно. Может, еще улучу часок-другой и прибегу, я тот еще бегун.

После ухода Жоры он начал сожалеть, что напрасно не поехал в район вместе с Булатом. Так хоть занял бы себя чем-то. И что он будет тут делать наедине с тетей Сулуджан? Всё равно после вчерашнего разговора с Булатом он начал чувствовать себя не в своей тарелке.

– Шеф, обратил внимание, как смотрела на тебя жена Жоры, когда ты выходил из бани?

– Нет, а что? Я тогда был не в себе.

– Я по-настоящему перепугался....
– Не мели ерунду, говори прямо.
– Помнишь Сэllu, шеф?
– Девушку в кафе? Конечно, помню.
– Что она сказала тебе вослед?
– Ну да, сказала, что хорошо иметь такого мужа. И что? Что тут такого?
– Жена Жоры тоже так на тебя смотрела, шеф.
– Спятил?! Не стыдно тебе? Она ж тебе в матери годится?! Они нас так хорошо приветили, накормили-напоили... И это твое спасибо?
– Не веришь, шеф...

Он не только не верил, но даже стеснялся мельком об этом подумать.

К счастью, времени скучать не нашлось, тетя Сулуджан поручила ему столько дел, что он даже не заметил, как пролетело время. Айрат-акя еще ночью зарезал десятикилограммового барашка (Айрат-акя сначала хотел зарезать жеребенка, но он не позволил, еле отнял у него нож; у здешних людей такой обычай – самому уважаемому гостю преподносят мясо молодого коня), тетя Сулуджан собиралась приготовить к ужину узбекский плов, она велела ему нарезать мясо, показала, как надо готовить лук, морковь и рис для плова, шутила и смеялась, не давая ему заскучать.

– Эх, моя молодость тоже прошла в тех краях... Под Тюменью. Лучшие деньки мои были... В этой дыре не было ведь ни работы, ни денег, да и сейчас нет, вот мы и подавались в те края, находили кой-какую работенку в столовых... Ты не смотри, что я сейчас такая, в молодости я ох какая была, а что ты думал, многие по мне сохли, да, – тетя Сулуджан хихикала, заливалась смехом. – Рослые плечистые красавцы бывали, точь-в-точь, как ты, эх!.. Беззаботные, вольные мои дни. Дурой была, мне бы зацепиться за одного из таких и уехать, но нет, осталась в этом курятнике...

Самый настоящий момент, чтобы завести речь об отце! Хотел спросить, видела ли она такого человека, с таким вот именем, такого роста... Раз тетя Сулуджан в ту пору работала в столовых, она обязательно узнает его отца, ибо по словам Петровича выходило, что там каждая собака его знала. Даже захотелось достать и показать ей фото отца. Но нет! Его прошлое, в особенности часть жизни, относящаяся к родителям, была зоной «строгого режима»; зона, закрытая для всех и каждого, даже для ближайшего друга. В ту пору, когда он собрался на север, дал себе слово: он приступает к новой жизни, и в этой новой жизни нет места безотцовщине, нет места сиротству. Он никак не мог смириться с этим фактом, всегда этого стеснялся. На розыски родителей отправлялся в одиночку, тайком, чтобы никто ничего не почувствовал, не понял, чтобы никто не ощутил его тоску, его больное место. Он не хотел, чтобы его жалели, горевали по его участи. Наоборот, у него была выверенная до мелочей светлая «автобиография», в которую он готов был и сам поверить. Отец вроде бы известный химик, долгие годы преподавал в университете. Мать, Вера Васильевна, – знаменитый в городе терапевт (ничего лучше врачебного дела для «мамы» и не придумать). Муж сестры возглавляет большую страховую компанию...

– Мама, такого зятка не ценишь, – Айрат-акя с Булатом вернулись из райцентра в приподнятом настроении, – он сам за пару минут всё решил. Мужика уважают в Атбасаре. Он сам меня опередил, сказал, что с работы не отпускают, сам всё купит и перешлет через другана, пусть Айсулу и доставит. Я позвонил Айсулу, мама, бедняжка так обрадовалась...

Глаза Булата тоже горели. По всему его беспокойному виду чувствовалось, что

он пришел с важной вестью. Улучив момент, Булат тут же отвел его в сторонку:

– Деньги твои нашлись, шеф! Савченко так и сказал! Сказал, пусть ни о чем не переживает, деньги нашлись до последней копейки! Какой же этот Савченко хороший человек...

В тот день они не спали до глубокой ночи. Ели-пили, смеялись и шутили. Весть о деньгах была хозяевам до лампочки, – вообще этот вопрос мало их занимал, – у них была своя радость, и эта радость затмевала собой целый свет: придет Айсулу. Ее визит уже превратился в праздник, они не могли усидеть на ровном месте...

– Видал, шеф, я ж говорил, всё будет хорошо, – Булат не мог угомониться, даже когда они легли спать. – И деньги нашлись, и дела наладились, чего еще надо. Знал бы, шеф, сколько тут мяса. Только грузить успевай! Но, храни Бог, от того ужасного дня... – тут голос Булата сник, он вперился в ночную тьму, паузу между словами заполнила скрытая печаль. – Я сам там молчал, ничего вам говорить не хотел... Когда развалился мотор, я подумал, всё, нам конец. Когда оставил вас и ушел, даже не верил, что еще свидимся... Кто бы знал, что тут есть люди... – На самом же деле весь голос, вся радость Булата сникли по другой причине, его мысли и чувства смутило совершенно иное, и это постепенно уводило его от беседы и всасывало в беспокойную и бездонную пучину. «Деньги из дому украл его родной брат. Бандиты убили его в перестрелке, – Савченко, сообщивший о находке, проболтался и об этом (Савченко не был бы Савченко, если не приукрасил бы события и облегчил сердце) и, кажется, в ту же секунду пожалел о сказанном. Он крепко-накрепко поручил Булату ничего об этом ему не говорить. – Я и сам был в шоке, когда услышал. У него ведь не должно было быть брата. Не должно! Детдомовский он, откуда взялся этот брат из Элисты! Ан нет, оказывается, был брат, да и отец в придачу. Жалкий калека в инвалидной коляске. Он сам направил сына на север, чтобы тот отыскал брата и они стали поддержкой друг другу в трудную минуту. Откуда отцу знать, что всё так обернется. Оказывается, большой карточный долг имелся у сына, не мог вернуть, ему хвост прижали, бабки требовали. Приставили к нему человека, сказали, знать не знаем, брат твой или нет, иди, куда хочешь, к кому хочешь, только долг верни! Короче, роди! А этот молодец даже представляться не стал, завел с братом знакомство, пригрелся змеей на груди, отправился к нему домой, подмешал снотворного в еду и выгреб всё бабло... Бедняга отец... после этого крутился, как умалишенный. Танцевал над телом родного сына. Не станцевал на твоей свадьбе, говорил, так хоть на поминках станцюю! Танцевал до упаду, а потом достал нож, который всегда носил в коляске, и прямо там же вогнал себе в сердце. «Грешно мне жить на белом свете», – сказал на последнем дыхании. Бога ради, ты ничего этого ему не рассказывай, сирота он, сердце и так разбито, пускай вообще ничего не знает, – еще раз накрепко поручил Савченко. – Главное – деньги, и они нашлись...».

«Как это: главное – деньги?! Умерли его отец и брат, а главное, оказывается, деньги?! Выходит, не будь тех денег, его отец и брат остались бы в живых?! Его деньги послужили причиной смерти родных?! Как можно скрывать такое от него?! Раз так, какая польза от того, что деньги нашлись!..» – Булат был крепко пьян, да и устал после дороги, так и вырубился, не найдя ответов на эти тяжкие вопросы...

А он глаз сомкнуть не мог. Старая его привычка: если долго о чем-то размышляет, заснуть не может. Весть о находке денег порядком его взволновала. Он не мог представить, что ему вернули целый сейф денег. Он включил свет – Булат заходился трехэтажным храпом – и стал ходить взад-вперед.

«Всё встало на свои места, – думал он. – Нашлись деньги, потихоньку идут дела. Он встретил таких чистых, благородных людей, как Айрат-акя, тетя Сулуджан, Жора. Даст Бог, как-нибудь и отца отыщет. Может, даже и мать найдет, кто знает... А не то думал о всякой ерунде. Чуть с ума себя не свел мрачными мыслями. Поверил во всякую чепуху: «Эту мерзость не отмоет и семь поколений. До тех пор, пока не отыщется последний мужчина в этом роду и не умрет за тот же самый грех!..» Где это написано, где сказано? Да разве может быть такое?! Разве грех грехом отмывают?! Да ни за что в жизни! С каких это пор грехом грехи отмывают?! Или вот это: «Ты тоже приговорен... Ключи у тебя...» Да неужели?! Будь ты проклят! Раз ты такой уж всезнайка, иди себе жизнь устрой! Сам старик, а парням, которые тебе во внуки годятся, воду в тазике тащишь...»

Хорошо хоть Булат вовремя его отыскал. Не то, как справился бы он в одиночку?! Сам Бог послал Булата ему на выручку, прямо с неба спустил перед Бройлерной фабрикой.

Не то... Ведь никакой речи о Булате во время этой поездки в Тюмень не шло, – он не мог даже четко вспомнить, был или нет такой человек в его фирме, – основные его претензии были к Старику, к этому загадочному существу...

Вдруг его взгляд остановился на страшной, ужасающей тени в углу окна! Всё случилось в мгновении ока и... о, Боже, что это было! Из центра окна, очищенного от снега и льда, на него неотрывно смотрела пара широко раскрытых, вышедших из орбиты глаз! Разглядеть толком было нелегко, но вне всяких сомнений – в окно смотрела женщина средних лет. Что говорили те глаза, о, Боже, чего от него хотели в этот час ночи?! Что пылало в тех глазах – страх или тоска, страсть или мольба?! Женщина пожирала его взглядом от макушки до пят! Она тут же отошла от окна, почувствовав, что «поймана». На месте ее головы остался черный провал, и этот мрак, превратившись в тяжелый камень, повис у него на сердце, и у него потемнело в глазах.

Вот и всё! Он больше не может оставаться в этом доме. Завтра же они уберутся отсюда. Уберутся непременно, даже если конец света настанет!

Ему уже давно ничего не снилось. В ту ночь он увидел во сне тетю Сулуджан. Он снова увидел Проклятое озеро, но на сей раз не тонул, наоборот, поверхность озера покрыл слой льда, а он вместе то ли с Булатом, то ли с Савченко – уточнить, кто именно, не удавалось – пробил лед и закинул удочку. Но настал вечер, а на крючок не клюнуло ни единой рыбешки. Настроение поганое. И в этот момент он увидел тетю Сулуджан, радостно бегущую к ним, держа в руках сеть с железным ободом. Она выглядела такой счастливой, всё лицо будто озарилось небесным светом. Добежав, она протянула ему сеть: «На, сынок, лови вот этим».

Он забрасывал сеть в воду и каждый раз вынимал ее набитой мелкими рыбешками. Рыбы было так много, что они не знали, куда от нее деваться. Скучившись на снегу, рыбы бились и трепыхались...

Сказали, пришла Айсулу, все побежали к дверям.

Она оказалась чахлой девушкой с бледным лицом. Несмотря на свою изможденность, она в одиночку проделала большой путь. Снег покрыл ее шаль, шарф, тулуп – вплоть до самых ресниц. Она сошла с саней – будто подснежник выбился из-под снега; Айсулу принесла в больших зеленых глазах весеннюю свежесть.

Чужие люди в доме сперва несколько ее смутили, – она часто моргала голубиными глазами, будто стараясь оценить новую для себя ситуацию, – но, тем не менее, она кивала головой на бесчисленные вопросы тети и добро улыбалась.

– Моя умница, мой ягненочек... – тетя Сулуджан так и тряслась над своей любимицей, усадив ее возле печи, крутилась вокруг, как мотылек над свечой, ласкала, приголубливала, расцеловывала свою девочку.

Айрат-акя от радости застыл как вкопанный посреди комнаты.

– Пойду сдам детали машины, – наконец пришел в себя он, – моторист уже второй день ждет запчастей.

– Погоди, прихвати и Айсулу, пускай увидится с той горемычной. Наверное, уже прослышала, ждет не дождется, – сказала тетя Сулуджан. – Она что-то к нам ни ногой с тех пор, как пришли ребята. Сама не пойму, в чем дело. Бедняжка, как будто новобранная, из-за занавески выглянуть стесняется. Каждый раз приходит и уходит, не переступив порога. Иди поскорей, встреться с ней и возвращайся, у меня к тебе дело, – обратилась она к Айсулу.

Как только вернулся Айрат-акя, тетя Сулуджан поручила ему натопить баню: «К завтрашнему дню машину уже починят, тут от людей яблоку негде будет упасть, пускай сейчас спокойно искупаются», – сама Сулуджан тоже не могла спокойно усидеть на месте. Засучив рукава, она готовила еду чуть ли не на целую свадьбу.

Баня Айрат-акя уступала бане Жоры, но тоже была хороша, тут не нужны были какие-то дополнительные бонусы, они хорошенько искупались, похлестали себя венником и вышли. К тому времени тетя Сулуджан уже приготовила еду. Снова накрыли стол, и снова начались «алдавай»...

Айсулу вернулась скоро, – жена Жоры доставила ее и снова не переступила порога, – она привела одежду и внешность в порядок. Девушка расцвела, как цветок. Ее лицо алело. Чистый и звонкий голос Айсулу рассыпался вокруг мельчайшими брызгами, она как птица легко порхала туда и сюда при каждом поручении матери.

– Как она похожа на Сэллу, шеф.

От слов, прошепанных ему на ухо Булатом, он чуть ли не всплеснул руками. Ведь всё это время он пытался найти, на кого же она похожа. Сэлла! Конечно же, Сэлла. Почему ему самому не удалось отыскать эту очевидную схожесть? Очевидную из очевиднейших! Будто две половинки одного яблока. Правда, Сэлла была чуть блее и чуть выше, но всё остальное – осанка, манеры, глаза, брови... – один к одному. Дело было не только во внешнем сходстве, в ее глазах присутствовала такая таинственная притягательность, – точь-в-точь, как у Сэллы, – что при каждом взгляде его сердце таяло. Он не переставал ругать и упрекать себя: ведь она законная жена другого, хватит, стыдно... Но ругай не ругай! Таинственные очи Айсулу при каждом взгляде сводили его с ума. Как облако внутри Проклятого озера окутывали его конечности и превращали в безвольное существо. И это тайное переглядывание, кажется, не ускользнуло от внимания тети Сулуджан. Ему даже почудилось, что тетя Сулуджан насупила брови и потрясла пальцем: «Ну-ну-ну!» Но нет... кажется, это тайное сближение было ей по сердцу...

Он сейчас же должен взять себя в руки, угомониться. Он закурил сигарету и вышел на чистый воздух. Видимо, в последнее время потерял способность рассуждать аналитически. И всё из-за водки. Без выпивки не было ни дня с его появления здесь. Утром, днем и вечером, они пили три раза в день. «Алдавай, алдавай, алдавай...» Да сколько можно! И что?! А вот и то. Утром, глядя в зеркало, он не узнал себя: всё лицо

мертвенно побледнело, руки и ноги опухли, кожа потеряла эластичность, достаточно нажать пальцем на ту или иную часть, и там остается вмятина. Да и сам Булат, не смотря на язву в желудке, столько набухался самогона, что под глазами висели огромные мешки, напоминающие спелую мушмулу. Поскорей бы убраться отсюда, да. По словам Айрат-акя, машина уже завтра будет готова. Моторист обещал, что сдаст работу завтра, даже если придется работать всю ночь. Да, было бы здорово. Деньги тоже отыскались, чего еще пропадать в этой дыре. За мясом они пришли, оставшись в безвыходной ситуации, – и плюс от безделья, – зачем идти на риск, когда на границе карантин.

Ничего, он заплатит людям по максимуму за забитый скот...

Но Айсулу! Откуда взялась эта сучка? Одним взглядом она заключила его руки в кандалы и бросила к своим ногам. Ему так хотелось позвать ее и схватить за грудки: «Кто ты, Айсулу? Почему ты сюда явилась?! Не могла прийти на два дня позже? Чтоб я спокойно отправился к своим чертям...».

Он зашел в дом и увидел Айрат-акя «выключенным» за столом. Тот уронил голову на грудь и так сидя уснул. Тетя Сулуджан поволокла его безвольное тело в постель.

Булат тоже засиживаться не стал. «Утром мне в гараж», – сказал он и отправился спать.

– Доченька, пойдем искупаемся, пока баня не остыла. А этот молодой человек заварит к нашему выходу хороший чаёк.

После этой шутки тети Сулуджан Айсулу обернулась на нее, улыбнулась.

Как только все разошлись, он налил себе водки в граненый стакан и выпил без всякой закуски. Взглянул на этикетку с названием – «Царь Эдип» – и глубокомысленно улыбнулся: интересно, какой «умник» отыскал для водки такое название? Затем налил себе еще. И в эту ночь он не сможет спокойно уснуть, теперь его мысли начнет занимать Айсулу. И не только мысли, но всё существо! Откуда взялась эта чертовка? Поработила все его сознание, всю волю. Да к черту всё, и вместе с ним Айсулу. Они кое-как переживут эту ночь, а завтра дадут дёру. Не хватало еще с ума себя сводить по мелочам. После того ночного происшествия оставаться здесь всё равно было невмоготу.

Кто наблюдал за ним в окно?! Какого хрена женщина, которая в матери ему годилась, пожирала взглядом его голое тело?..

Он ощутил затылком горячее дыхание, резко обернулся и встал, и тут увидел перед собой тетю Сулуджан. Та покраснелась, как маков цвет, после бани всё ее лицо, шея и горло побагровели. Плюс сильно запыхалась. Словно старалась скрыть, задушить какие-то постыдные чувства, но не могла; крупные, здоровые груди, покачивающиеся на толстом животе, как курдюк, безжалостно ее выдавали; они призывно свисали, как сладкая дыня в бахче. «Да она не такая уж и пожилая, бедняжку старит полнота», – он и сам вздрогнул от мысли, мгновенно пронзившей его мозг и плоть. Непонятное состояние этой простой женщины, к которой он пригрелся, как к матери, показалось ему опасным. Чтобы как-то выкрутиться из ситуации, следовало что-то сказать.

– Чай готов, тетя Сулуджан, вам налить? – вымолвил он.

– Отнеси это Айсулу, сынок, – глухо прошипела эта крупная женщина, будто сбрызнули водой тлеющие угли, и протянула ему полотенце. – Бедняжка забыла прихватить с собой...

В ушах застучало, сердце стало биться в висках. Схватив полотенце (каким же неблагородным человеком он оказался, нарушил гостеприимство в доме мужчины, спасшего его от верной смерти, ну пускай он выпил и отключился, – всё равно он поступал неблагородно и неблагодарно), он побежал в баню, весь охваченный страстью, бурлящей в груди, как горный поток...

– Кто там? – тут же отозвалась Айсулу, как только он постучался в дверь.

– Я... – собственный же голос показался ему чужим.

Некоторое время никакого отклика не последовало, затем не стало слышно и плеска воды, нависла глубокая тишина в темноте. Всё еще было не поздно, он мог бы положить полотенце у порога, повернуться и уйти, но от легкого скрипа отворяющейся двери у него задрожали коленки. Дверь открывалась всё шире, и окрашенный в желтоватый свет бани теплый туман коснулся его дыхания, покрыл поцелуями шею и горло, разошелся по всей плоти, просочился вовнутрь и пропитал всю душу. С одной стороны – бархатная хмель от водки, с другой – теплое дыхание бани, а с третьей... Айсулу стояла на пороге в одном тоненьком халате! В одном халате! Промокший и прилипший к телу тоненький халатик ясно подчеркивал все выступы и впадинки только-только созревшей женской плоти, истосковавшейся по мужским рукам, мужскому дыханию, мужской силе. Девушку трясло, то ли от холода, то ли от волнения. Она пугливо дрожала, крепко-накрепко сжимая руками ворот халата. Посиневшие губы молили о пощаде...

«Двери» дрожащей плоти раскрылись ему навстречу одним касанием пальца. Сначала его руки, а потом губы прошлись по мокрым волосам, коснулись влажных губ, прошлись по худому телу сперва поверх халата, а затем и под ним... Он взял ее легкую, как птица, на руки, – халат соскользнул и упал на пол, – и уложил поверх трехэтажной скамейки в парной...

«Нет, не здесь, не здесь, не сейча-а-ас...».

...Он снова видел тот же сон.

Святое озеро снова покрылось льдом, они проломили лед и закинули в озеро удочку – он снова не мог уточнить, с кем находился, то ли с Савченко, то ли с Булатом, – и как назло не клюет. Потом он увидел тетю Сулуджан, бегущую к ним. Она летела... с легкостью, не подобающей своему возрасту и весу. Да, летела, лицо всё сияло от радости. Добежав, она протянула ему полотенце: «На, сынок, лови вот этим». Он опешил: как можно ловить рыбу полотенцем? Взяв в руки полотенце, он увидел, что это вовсе не полотенце, а сотканная из крепкой веревки сеть с крепким железным ободом. Он закидывал сеть в воду и каждый раз доставал ее набитой мелкими рыбешками. Вдруг он увидел, что вокруг полным-полно рыб, они кишат, копошатся на снегу словно пчелиный рой. Но среди рыбешек он увидел одну огромную, чуть ли не в человеческий рост, рыбаина трепыхалась, била хвостом и хотела вернуться в родную обитель – в воду. Он ужасно сожалел о том, что вынул из воды эту рыбу. Но ужаснее всего было то, что, как бы он ни старался вернуть рыбу в воду, не получалось; руки-ноги его не слушались, он не мог даже шелохнуться. А когда он увидел ее глаза... О Боже, глаза этой рыбы... это были овечьи глаза! Он чертовски сожалел о своем поступке. Всё равно ее мясо несъедобно, ругал он себя, оно сладкое, как человечина, – будто он знал, какова человечина на вкус! – какого черта далась ему эта рыбаина!..

Он снова проспал до полудня. Шум и гам, столпотворение снаружи рвались поднять его с постели, но он поглубже просунул голову под подушку. Он постепенно осознавал, что ночной случай в бане был не сном, а горькой реальностью, и не знал, куда деваться со стыда. В какое же дерьмо он вляпался! Как теперь станет смотреть в глаза Айрат-акя? Что будет делать при встрече с Жорой? Да, они ничего не знают, но это дела не меняет. А как же его собственная совесть, его честь?!

Он просил у Бога только одного: провалиться сквозь землю, и на этом всё.

Кто-кто, а вот Булат – тот еще проныра – видать, что-то пронюхал; отправляясь утром в поселок, он ткнул его локтем и вонзил свое жало: «Видал, шеф, я же говорил, всё будет шикарно...».

Он еще раз удивился всеведению Булата.

– Вставай, шеф, вставай, хватит притворяться, – Булат, как и в прошлый раз, стянул с него одеяло, – люди ждут, Жора тоже пришел, вставай.

Они остановили грузовик с включенным двигателем на пустыре за домом. Машину окружил народ, да так, что яблоку негде было упасть. Айрат-акя взвешивал мясо, – откуда им удалось найти в этой суматохе весы на тонну?! – он тут же расплачивался, а мясо потом грузили в контейнер. Все улыбались и были довольны.

– Глянь-ка, шеф, – Булат отделил от замерзших туш свежезабитого жирного поросенка, – жалко отправлять в контейнер. Грешно, ей-богу, грешно. Давай сегодня зажарим этого красавца, а уже утром двинемся в путь, сегодня всё равно поздно...

– При одном условии, – даже Булат не ожидал, что он так легко согласится, – шашлык приготовлю я сам.

Он собственноручно нарезал мясо, посолил, поперчил. Сельские мужики будто того и ждали, они натаскали откуда-то сухих дров, развели мангал, принесли длинный стол. И каждый был рад поделиться, чем богат. За каких-то полчаса во дворе Айрат-акя стоял пир горой!

К счастью, всем удалось сдать мясо. Битком набитый запертый контейнер был готов к долгому пути.

Есть и пить за мангалом в мороз – совсем другое удовольствие; с каждой стопкой зима перед его глазами превращалась в весну. Люди, которых он видел впервые, казались такими родными! Кто-то принес гармонь, и снова разгорелось веселье, пошло по новому кругу. И стар, и млад – всё село стеклось на отзвуки веселья. После этого гулянье во дворе Айрат-акя стало напоминать праздник плодородия, и, конечно же, во главе всего этого стояла самолично тетя Сулуджан. Она покою себе не давала, находилась в постоянном движении, давала каждому какое-то поручение – к месту ли, не к месту. Словно управляла всем процессом единолично. Улучив минутку, она заговорщически шепнула ему на ухо, чтобы он не беспокоился, скоро придет и Айсулу: «Она унесла вашу одежду, привести в порядок перед дорогой...».

Было морозно, но потихоньку ощущалось легкое дыхание надвигающейся весны. Он только сейчас приметил прибитый над дверью бычий череп и удивился тому, как мог до сих пор не увидеть такую огромную голову. Мангал разгорался сильнее, и казалось, череп оживал, таял покрывший его снег и лед, капая с уголка рта. Ему на мгновение даже почудилось: бык жив-здоров, пускает слюни, видя застолье во дворе Айрат-акя.

Стопка за стопкой ледяная водка разгоняла туман застарелой хмели, в голове прояснялось, и с наступлением ясности вся плоть и душа наливались свинцом; по мере того, как в памяти восстанавливались детали ночного происшествия в бане,

мутные и путанные чувства внутри процеживались и выкристаллизовались в ужасную догадку, вырывая его из круга веселья и всё ближе подталкивая к краю бездонной, непроглядной пропасти...

Проснувшись за полночь, он обнаружил себя в чужом пространстве без координат – в неизвестной тьме. Он довольно долго пролежал неподвижно на спине, приложил все силы, чтобы сфокусировать рассеянный свет из самой глубины непроглядной тьмы – и за это время в мозгу мелькнули сотни, если не тысячи мыслей, сомнений и страхов. «Изысканный аромат» хлева постепенно обретал сущность, силуэты коней и коров, чей сон был потревожен, начинали обретать очертания, тем самым усиливая его панику; как он мог здесь очутиться?! Может, его связали по рукам и ногам, избили и бросили на сеновал?! Глаза постепенно привыкали к темноте, и тут он увидел прикишующую к нему как неоперившийся птенец Айсулу, смятые от движений двух тел простыни (будто побывавшие в пасти страшного зверя), и, увидев всё это, он и сам сморщился от тяжести навалившихся чувств. Он догадался, что кто-то заранее устроил всё это дело, и это оказалось самым ужасным. Причем устроил со всем размахом. А с другой стороны... его обоняние теребил какой-то непонятный запах, и как бы он ни старался, не мог определить, что же это за запах. Ни аромат сухой соломы, ни доносящаяся из угла хлева резкая вонь дерьма и мочи, от которой слезились глаза, ни студенистый душок пота и сопутствующих выделений, пролитых на сеновал в процессе затянувшихся до рассвета плотских утех, не могли отбить этот странный запах. Что же это за запах, о Боже?! Чего от него хочет этот тоскливый, беспокойный, мягкий, как шелк, липкий и теплый запах?!

«Почему ты так удручен? Из-за Жоры? Не бойся, он мне не отец..., – увидев его погруженным в глубокое разочарование, Айсулу подошла еще ближе, прикинула к нему худой, потной плотью. – Не оставляй меня здесь одну, пожалуйста, заведи со мной. У меня такое чувство, будто, кроме тебя, нет у меня никого во всем белом свете. Только мать, да и то она... Ты с ней знаком, она сошла с ума, думая об участии моего брата, жена Жоры...».

Выйдя из хлева, ему захотелось скрыться в комнатенке, где они спаслись от ужасной безвыходности, когда сбились с прямого пути. Ему хотелось, чтобы никто его не видел, никто ни о чем не расспрашивал, ничего не говорил, – ничего не прознал о ночном происшествии. В рассветных сумерках увидев спросонья перед собой тетю Сулуджан с широкой деревянной лопатой в руках, он потерял дар речи. Сулуджан в одном только халате резво расчищала тропинку, ведущую к хлеву. Вдобавок распевала песни! Ей были нипочем ни снег, ни мороз; внутренней энергии хватало себе сполна. Лицо ее зарделось. Лицо Сулуджан светилось точно так же, как в его снах. Оно выражало покой и удовлетворение. Увидев его, Сулуджан рассмеялась каким-то ненормальным смехом – точно полоумная...

«Гореть бы тебе в аду, ведьма! Гореть бы целую вечность! Разве не ты устроила всю эту гадость?..»

Как бы он ни старался – не мог отделиться и отдалиться от ночных впечатлений. А может, облаку, которое неотступно преследовало его всё это время в снах, поднимая всю муть со дна души, удалось найти путь и просочиться в его явь?! Даже шуточные выходки окружавших его подвыпивших сельчан не могли отогнать обступившую его зловещую атмосферу.

А с другой стороны, этот запах, Боже! Откуда взялся и шибал ему в нос этот глупый и непонятный запах? Чего от него хотел?! Какого долга требовал?! Или это

запах материнского молока?! Молоко матери, да, конечно! Молоко его родной матери! Отчего до сих пор ему не удалось определить этот простой и нежный аромат? Конечно, молоко мамы – запах родной души и тела! В таком случае почему этот родной запах так его беспокоил! Запах, по которому он тосковал долгие годы! Или тут что-то еще?! Что-то, что с самой ночи мучило обоняние и не давало ему покоя.

Может, запах крови?! Запах родной крови... подмешанный к материнскому молоку! Тьфу!

Его взгляд всё еще был устремлен на череп быка, прибитый к дверному косяку, и только сейчас он обратил внимание: влага, капающая с уголка его пасти, стекает из глазниц быка. Бык плакал. Проливал слёзы точно живой человек.

...поднялся переполох, – сказали, упала и потеряла сознание жена Жоры, – в воздухе повисла угнетающая пауза. Люди будто за секунду стали другими, чужими и чуждыми, посерели воздух, камни и стены... «Горемыка бедовая, что с ней опять случилось?», – всполошились три-четыре женщины и побежали на подмогу.

А сам Жора, видимо, давно обвыкшийся с таким положением дел, даже не шелохнулся.

Сулуджан вернулась из дома Жоры вся посеревшая, она никому ничего не сказала, ни на кого не глянула, раскрыла руки точно коршун крылья и спикировала прямиком на него. Сделав пол-оборота, она стала трясти перед его глазами фотокарточкой (это было фото его отца, оказавшееся в чужих руках во время чистки одежды): – Чья это фотография, ну, я тебя спрашиваю, чья фотография?!

Ему казалось, что он остался лицом к лицу с матёрой и голодной волчицей. Всё тело обмякло, отнялся язык. Это мой отец, хотел сказать он, но не мог, он потерял дар речи.

Сулуджан повторяла один и тот же вопрос снова и снова. «Отец твой, верно?! – вцепившись ему в ворот, она поволокла его внутрь, спешно раскрыла принесенный с собой сверток и вынула оттуда другую фотографию: – Ну тогда вот это кто?!»

Он застыл, как вкопанный. Как фото его отца могло очутиться в этом доме?! Как?! Эта карточка была точь-в-точь такая же, какую дал Петрович, только целая, неповрежденная.

– Мой отец... – слышался его сдавленный голос.

– Ты же говорил, что отец твой химик, а?! Ученый?!

– ...

– Нет, это не твой отец, это отец Айсулу, по-о-онял?! Отец Айсулу!!!

Он невольно вырвал из ее рук фотокарточку. Его отец был в той же рубашке в белый горошек. Те же густые, черные и курчавые волосы, те же агатовые усы... А молодая женщина рядом с отцом... Когда он увидел ее глаза, то будто переломился надвое; спокойно и уверенно, добро глядящая на него с фотографии женщина была той же безумной, которая наблюдала за ним в окно, точно, – это женщина, наблюдавшая за ним в ночи! Никаких сомнений быть не могло, ему не забыть того тоскливого взгляда, не спутать ни с каким другим! Пара держала на руках ребенка. Слезы застилали ему глаза, не позволяя рассмотреть внимательней лицо ребенка. Он перевернул карточку и еле прочел выцветшую, посеревшую давнишнюю надпись: «Айсулу, шесть месяцев...».

Не обращая внимания на стенания тети Сулуджан, он выбежал прочь как сумасшедший. Ни с кем не попрощался, никому ничего не сказал, только крикнул Булату: «Давай, поехали!»

– Шеф, я же пьян...

– Езжай, говорю! – он так заорал, что сам себя не узнал.

Набитый до отвала грузовик, выйдя на бетонную дорогу, стал медленно набирать скорость. «Мотор только что собрали, нельзя вот так водить без обкатки, надо без напряжения...», – ворчал себе под нос Булат. Они только выехали из села, как Булат со всей силы нажал на тормоза. – «Шеф, жена Жоры!»

– Езжай, давай, не тормози, скорей!

Он тоже увидел в зеркале заднего вида бегущую за ними босиком женщину с непокрытой головой, растрепанной одеждой. Она ошалело бежала за ними, и на ее седые растрепанные волосы оседало снежное крошево, которое взметали ее ноги. Найдя невероятную силу в своем истощенном, изможденном теле, она бежала, падала, вставала и снова бежала. Махала рукой, звала, пытаясь что-то объяснить...

– Газуй, гони!

На какое-то мгновение ему показалось, что он увидел вместо женщины, наблюдавшей за ним в окно, ту самую Безумную Старуху, которая угрожала ему палкой и пыталась прогнать из родного селения, переставшую на что-либо больше надеяться Старуху с грязно-седыми прядями волос...

Машина крадучись продвигалась на снегу с выключенными фарами, стараясь не издавать ни одного лишнего шума. Булат завел грузовик в лес по проселочной дороге, чтобы обойти погранпост. Эта дорога, ответвляющаяся от главной дороги, по их расчету должна была вывести их в маленькую деревеньку из девяти-десяти домов. В той деревеньке у Булата старый приятель, если удастся доехать туда до рассвета, смогут как-нибудь выкрутиться. Плюс, это уже считается территорией России; пограничные проблемы решатся сами собой. Не то, если они сейчас столкнутся с пограничником или кем-то еще в погонах, пиши пропало; пришли да взяли, так поминай как звали! К ним как нарушителям границы приставят дуло и уведут в лучшем случае на допрос. К тому же, уезжая в дикой спешке из деревни, они умудрились оставить там все документы – права, техпаспорт, – всё осталось в доме Жоры, в карманах одежды. Ничего не смогли с собой забрать. А без документов далеко не уйдешь.

«Доехать бы поскорей до этой чертовой деревни, брошу ему ключи, пускай сам разбирается, – как будто съездившийся в углу кабины человек был не тем самым «шефом», к которому Булат всё это время уважительно обращался, а каким-то бродягой, проходимцем. – Вот твоя машина, вот и ключи, без меня разбирайся. Езжай, куда хочешь. Я пойду своим путем, всё, баста».

Дорога тянулась, как песня табунщика, унылая и бесконечная.

«Кажись, я свернул-то совсем не туда...», – дорога, по которой он поехал в крошечной тьме, углублялась всё дальше в лес, превращаясь в узкий лабиринт; они едут уже не первый час, но не видать ни света вдалеке, ни каких-то строений. «Или это дорога лесников? Тьфу!», – обычно вывозящие дрова грузовики вывозят срубленные и заготовленные деревья по такой вот дороге; сам Бог знает, в какую лесную глушь, какую тьму ведет этот путь. Ехать дальше особо смысла не имело, при таком раскладе лучше возвращаться, не солоно хлебавши. Но разворачиваться на такой узкой дороге – сложнее некуда, дело рискованное; если колесо хоть чуток выскользнет с накатанной колеи, капец, они застрянут по самое горло. Всё так и случилось. Булат подал назад, чтобы развернуться, и тут колеса вошли в сугроб, чем больше Булат

поддавал газу, тем дальше колеса уходили в снег, тяжелый грузовик погрузился в снег по самую раму. «Тьфу, чёрт, чёрт!» – Булат молотил кулаками по рулю и ругал себя на чем свет стоит. Ругал и ругал, потом беспомощно опустил голову на руль и надолго задумался. «Что за беда, Господи, что за несчастье! Зачем Ты завел меня в эту дикую глушь – в чем пред Тобой я виноват?! Сам я со своим жалким умишком во всём виноват! Один раз Ты уже спас меня от верной смерти, а я как тварь неразумная снова сунулся в болото. Кто нас отыщет в этой глуши? Да никто! Повезет – пограничники, да и то, если не замерзнем насмерть к тому времени...»

Очнувшись от тяжких дум, он в кабине, кроме себя, никого не обнаружил. Дверь с пассажирской стороны была полуоткрыта, сиденье пустовало. «Ну, иди-иди, ступай, замерзнешь и прибежишь, как собака, ничего, поглядим. Да куда ты уйдешь в этот снег и мороз!»

Как назло, горючее тоже кончалось, датчик дьявольски мигал желтым глазом. В сложившейся ситуации следовало экономить горючее. Необходимо выключить мотор, включая его время от времени, чтобы не подморозило систему и чтобы в кабине оставалось хоть какое-то тепло. «Будешь мерзнуть – заводи двигатель», – Булат всё ждал его возвращения, чтобы пристроить его и самому сходить за техникой; надо было что-то предпринять, другого выхода не имелось.

Он прождал довольно долго, но всё впустую.

Немое дыхание леса заполонило всё его нутро, его сознание...

Откуда-то издалека, из самой дальней дали он начал слышать редкий собачий лай, а может, просто ему показалось; в этот поздний ночной час собаки лаяли то ли от безделья, то ли по глупости...

«Наверно, поблизости есть ферма или какое-то жилище. А может, это собаки пограничников, точно. Пронюхали нас, взяли след, – разговаривал он сам с собой, а с кем же еще. – Да катись оно к черту, всё равно других вариантов нет», – он напряг на себя всё, что попало под руку, крепко закутался и распахнул дверь.

Не было ни тропинки, ни следа, закрыв глаза, он шел туда, откуда раздавались звуки.

В сторону собачьего лая...

...он увидел, что покрывший Проклятое озеро лед стал тоньше, как стекло, если чуть поддаст, то лед треснет; окончательно избавится от бездонного плена озера. Прислонив лоб, нос, лицо ко льду, он тоскливо смотрел по ту сторону – на небеса, ему хотелось поскорее спастись от этой безвоздушной, мрачной темницы. Его плоть и душу теснило, но, увидев в озере вместе с собой Айсулу, он начал сходить с ума. «Ой, ой, ойй! Сестренка моя, моя малышка, оййй! Моя малышка Айсулу, оййй! Что ты здесь делаешь?! Как ты здесь очутилась? Ой-ой-ой-ой!»

Весь ужас заключался в том, что Айсулу пришла к нему в том же платице, в том же шестимесячном возрасте, как на фотографии, раскрыв объятия, она бежала к нему, просила помощи: «Не оставляй меня здесь, братец, заberi с собой. Кроме тебя, у меня никого больше нет!..» «Уходи отсюда, уходи поскорей!» «Давай убежим вместе, дай руку!» Вода ошпаривала их кипятком, всё тело, каждый миллиметр. «Мы оба пали жертвой слепой страсти, оййй, маленькая моя, сестрица, оййй!..» – не переставая проливать слезы, он пытался достать ее из кипятка... вдруг он увидел, что

вместо нее держит в руках облако! Ну и дела, огромное облако уменьшилось в размерах и превратилось в малышку не больше руки! До него дошло, что этот бедолага тоже в плену мертвой воды. Терпеть дальше стало невмоготу, гнев и ярость ударили в голову, ему захотелось разнести вдребезги этот проклятый лед. Он стал наносить удары коленом, локтем... А когда рука коснулась холодной, как лед, дверной ручки... он проснулся от сна в своем сне, понял, что всё это время пытался выломать... дверь грузовика. И что он легко может просто ее открыть. Он так и сделал, взял и открыл дверь. Легко одетый, – кто станет обращать внимание во сне на одежду? – в одном легком свитере он сошел с машины и пошел по направлению к свету, который сиял где-то совсем вдали в глубине леса (это место показалось ему похожим на берег реки Тура). Всей своей душой, всем существом он стремился к этому свету, алкал этого света. Этот свет притягивал его магнитом. По пояс в снегу он шел, прокладывая себе коленями и локтями путь в мягких, как лебяжий пух, сугробах. Шел радостно, вольготно; понимал, что ни один берег не спасет его от этого злого рока.

Кроме берега реки Тура...

– Деда, почему ты дал мне умереть? – постепенно тот манящий свет превращался в очищенных от грехов родных людей, чьи лица лучились благостью, родных людей на берегу реки Тура, и на какое-то мгновение ему показалось, что среди них находится и Старик, что он машет ему издали рукой и настойчиво подзывает подойти ближе и присоединиться...

Поток яркого света, просочившийся в рассветных сумерках сквозь окна содоморцев, заставил их проснуться. Охваченные интересом, они напялили на себя, что под руку попало, и спешно стеклись на улицы. От увиденного над двором храма у них кровь в жилах застыла; ужасного облака, годами бросавшего тень на всё их существование, на месте не было. Взамен над храмом висело лучезарное, легчайшее, белоснежное облако, чья белизна слепила глаза! И к этому облаку стекались со всех сторон сотни, если не тысячи маленьких и больших облаков. Белые, словно невинные овечки, они сбегались к своей матери. Детки, слившись с матерью, образовали такое гигантское облако, что оно распростерлось чистой, белоснежной, без единого пятнышка простыней на всем небе, над всем Проклятым озером, Содомором и остальными близлежащими селениями. Эти чистота, белоснежность и безгрешность даровали частичку своего света каждому дому, каждому камню, каждому человеку, его облику и душе, пропитав ее покоем и безмятежностью.

Затем облака тяжелой поступью двинулись в сторону реки Тура.

Перейдя реку, они смешались с цветом рассветного неба и обратились в небытие...

Перевод Ниджата Мамедова